сергей калинин

ВСЁ, ЧТО ОСТАНЕТСЯ

Сергей Калинин
Всё, что останется

https://litres.ru/74759729
SelfPub; 2026

Аннотация

Почти половину жизни Олег провёл в местах не столь отдалённых. За годы заключения он потерял всё: семью, прошлое и самого себя. После выхода на свободу он знает: времени осталось мало. Ему нужно закончить последнее дело — вернуть долг тем, кто давно перестал его ждать.

Даша больше не верит, что её брак можно спасти. Быт, усталость и чувство внутренней пустоты давно вытеснили радость из жизни. Рядом человек, который перестал куда-либо стремиться. Но где-то глубоко внутри всё ещё теплится надежда: вдруг еще можно начать заново?

Роберт привык держать всё под контролем. Но семья, работа и прошлые решения требуют от него больше сил, чем он готов признать. Когда чужая история врывается в его жизнь, ему тоже придётся заново понять, ради чего он держится.

Три человека, потерявшие опору. Три судьбы, которые случайно пересекутся в момент, когда каждому кажется: всё уже потеряно. Это роман о выборе, внутренней силе, вине, надежде и о том, что останется после нас.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	50
Глава 6	66
Глава 7	74
Глава 8	78
Глава 9	84
Глава 10	93
Глава 11	100
Глава 12	108
Глава 13	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Сергей Калинин
Всё, что останется

ВСЁ, ЧТО ОСТАНЕТСЯ

Литературно-художественное издание

Сергей Калинин

Всё, что останется

Почти половину жизни Олег провёл в местах не столь отдалённых. За годы заключения он потерял всё: семью, прошлое и самого себя. После выхода на свободу он знает: времени осталось мало. Ему нужно закончить последнее дело — вернуть долг тем, кто давно перестал его ждать.

Даша больше не верит, что её брак можно спасти. Быт, усталость и чувство внутренней пустоты давно вытеснили радость из жизни. Рядом человек, который перестал куда-либо стремиться. Но где-то глубоко внутри всё ещё теплится надежда: вдруг еще можно начать заново?

Роберт привык держать всё под контролем. Но семья, ра-

бота и прошлые решения требуют от него больше сил, чем он готов признать. Когда чужая история врывается в его жизнь, ему тоже придётся заново понять, ради чего он держится.

Три человека, потерявшие опору. Три судьбы, которые случайно пересекутся в момент, когда каждому кажется: всё уже потеряно. Это роман о выборе, внутренней силе, вине, надежде и о том, что останется после нас.

ISBN 978-3-913004-00-6
© Сергей Калинин, текст, 2026
© Оформление. AM Publishing, 2026

Литературный редактор Алексей Апанасевич
Выпускающий редактор Мария Сурконт
Дизайн обложки и серийное оформление Юлия Мартыщенко
Компьютерная вёрстка Инна Ларичева
Корректор Людмила Кабанова

Фотографии для оформления обложки
Использованы иллюстрации:
New Africa, GSPstock, Sedehee/ Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

vionaembun42

Страна происхождения: Германия

Интернет-магазин: shop.ampublishing.org

Дата изготовления / Подписано в печать
Формат 148x210mm. Гарнитура «». Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в
Totem.com.pl Sp. z o.o. Sp. k.
ul. Jacewska 89, 88-100 Inowrocław, Polska
www.totem.com.pl

16+

Издатель:

AM Publishing
Berlin, Germany

ampublishing.org

Глава 1

Он привычно остановился, не доходя до подъезда метров двадцать. Внимательно осмотрелся и сделал вид, будто ищет что-то в большом чёрном пакете. Здесь его не могли видеть из окон старого пятиэтажного дома, зато ему самому открывался отличный обзор. Убедившись, что поводов для беспокойства нет, он быстро натянул куртку с крупной надписью «Ремжилстрой», которую с месяц назад прихватил на стройке. Перекинул через плечо найденную там же сумку — похожие носят ремонтники и коммунальщики; теперь он мог быть электриком, сантехником и бог весть кем ещё. Осторожность и внимательность уже давно стали основными принципами его жизни, и сейчас, когда всё складывалось хорошо — возможно, даже *слишком* хорошо, — совсем не хотелось отпугнуть удачу бездумной спешкой или самоуверенностью.

Стремительно прошагав к подъезду, он набрал код и почти бесшумно, вжав голову и затаив дыхание, взбежал на последний этаж, миновав который оказался у входа на чердак. Не прошло и минуты, как на двери успокаивающе защёлкнулся замок. Какой замечательный человек придумал решётчатые двери из арматуры? Мало того что через них легко оценить ситуацию снаружи, так ещё и замок можно повесить, находясь с любой стороны. Он давно смазал все петли, и те-

перь самым громким был стук его собственного сердца.

Здесь он хорошо ориентировался даже в полной темноте и уверенно прошёл в дальний угол, где располагалась его «комната», как иронично окрестил он небрежно, казалось бы, сброшенные листы пенопласта. В оборудованном со знанием дела тайнике хранилось всё его нехитрое имущество. Накинул провода — тусклая лампочка осветила лишь крошечный уголок — и опустил в полулитровую банку кипятильник, состоящий из двух лезвий, разделённых парой спичек. Уже расслабившись, он наблюдал за набирающим силу потоком пузырьков, стремительно поднимающихся к поверхности: вода закипала быстро.

Эх, сколько же пришлось поскитаться, пока он не нашёл это место, тёплый закуток, защищённый от дождя и ветра. И побороться за него довелось не на шутку. Потерять такое пристанище — значит снова обречь себя на толкотню в грязных подвалах и ночёвки под теплотрассами в кругу отнюдь не гостеприимных товарищей по несчастью. Потому он и принял все меры предосторожности, чтобы ни жильцы, ни домоуправление, ни другие бродяги, не дай бог, не раскрыли его тайное жилище, ставшее поистине спасением.

Ему несказанно повезло. Об этом подъезде рассказал пьяный мужик, которого он однажды пожалел и дотащил до дома. Из двадцати квартир шестнадцать сдавались в аренду: лица менялись, никто никого не знал. Впрочем, даже так стоило немало сил и нервов затащить сюда матрас и скуд-

ный багаж собранных где попало вещей. Всё было найдено или просто «подобрано», когда нерадивые хозяева забывали о банальной осмотрительности. Даже утюг он откопал в мусорном баке и сумел отремонтировать. Покупать что-либо за деньги уже давно не приходилось, да и само понятие уюта изменилось до неузнаваемости. Была крыша, было тепло, имелась даже вода: на одной из труб нашёлся кран непонятного назначения, но рабочий. Всё это казалось сказкой. Однажды даже мелькнула мысль о счастье.

В меню сегодня — горячий чай с самым дешёвым батоном и что-то безвкусное, с виду отдалённо напоминающее сосиску. К гурманам он себя не относил даже в то счастливое время, когда о жизни бомжей знал только из газет, да и то считал, что в его стране, великой и могучей, таких несчастных просто быть не может. Сейчас само по себе наличие еды воспринималось как праздник.

Почти полгода он жил на этом чердаке и наконец хоть более-менее привёл себя в некое подобие порядка, уже не так напоминая «лицо без определённого места жительства». При беглом взгляде он походил на работягу с маленькой зарплатой, не очень ухоженного, но и не совсем опустившегося. Ему было пятьдесят два. Выглядел он моложе, что странно, ведь последние два десятка лет отнюдь не способствовали этому обстоятельству. Его нельзя было назвать худым, скорее жилистым. Внешне спокойное лицо с выразительными чертами. Эх, а ведь когда-то его считали красавчиком, ба-

ловнем судьбы... В далёком уже прошлом он пытался вообразить себя пятидесятилетнего. Тогда всё виделось по-другому, казалось почти фантастикой. Он думал, что к шестому десятку добьётся успеха, будет радоваться счастью детей и наслаждаться общением с внуками, помогая изо всех сил. Представить битого жизнью одинокого мужика на чердаке старой хрущёвки, скрывающего собственное существование и потому избегающего людей, не смог бы даже распоследний пессимист, а уж сам он себя таковым не считал никогда.

Тернавский Олег Геннадьевич. Уже почти двадцать лет никто не называл его по отчеству. В жизни людей его круга даже имена звучали редко: погоняла короче, часто подчёркивают статус, да и привычнее они. Шапир — им он стал на зоне и оставался до сих пор. Жаргонное «шапиро» на языке обычных людей означало «адвокат». Слово как-то само собой сократилось, сохранив смысл для тех, кто мог бы его понять.

Двадцать пять лет. Почти полжизни прошло в местах не столь отдалённых и в скитаниях. От того мужика, что впервые переступил порог камеры, уже давно не осталось и следа. К нему обращались за советом бывалые урки и авторитеты, он смог добиться положения. Но то, что было там, на зоне, здесь не имело никакого значения. И уже невозможно поверить, что когда-то он окончил юридический факультет престижного университета и даже считался весьма перспективным адвокатом. Может, для бомжа он выглядел и непло-

хо, но узнать в этом усталом человеке с пристальным оценивающим взглядом некогда уверенного в завтрашнем дне юношу больше не получалось. Из документов остались лишь давно истёкший паспорт без прописки да затёртая справка об освобождении.

Задумчиво он допивал остывший чай. Странно... В далёкой прошлой жизни, спеша утром на работу, он внимательно рассматривал опустившихся бичей у магазина. Тогда было непонятно, как может человек вдруг упасть и не подняться. Но, что удивительно, их жизнь казалась ему простой: найди денег, выпей и отдыхай. Нет ни телефонных звонков, ни срывающихся нервов, ни забот... Те люди выглядели свободными и, смешно подумать, счастливыми в своём оптимизме. Олег задумчиво закрыл глаза, стараясь отпустить переживания об ушедших временах.

Нужно настроиться и тщательно вспомнить то, что крутилось в мозгу на протяжении дня. Для себя он уже давно всё решил и нашёл единственный способ оправдать себя и своё существование. Из тайника, который он подбирал долго и тщательно, он извлёк планшет: старый, затёртый, почти не державший заряда, но, главное, рабочий. Чем ближе подступало время окончания работы, тем больше его окутывали сомнения: «Ничего не получится, всё напрасно...» Хотелось завыть. Посоветоваться ему не с кем: он слишком давно был один и разучился доверять. Если бы кто-то спросил его, можно ли к такому привыкнуть, сил бы хватило лишь

расхохотаться. Нельзя! Нельзя к такому привыкнуть!

Почти три часа Олег провёл, склонившись над небольшим экраном. Порой что-то шептал, словно про себя. Порой задумчиво застывал, вдруг преображаясь, и снова оживал, быстро набирая вереницы слов, наловчившись делать это двумя пальцами. Наконец, взглянув на часы, он бережно завернул планшет в пакет. В который раз убедился, что на месте и деньги. Усмехнулся про себя, прикинув, как богат он на фоне таких же бродяг. Провёл рукой по щеке, недовольно мотнул головой, но всё же достал бритву. Сейчас важно сохранить презентабельный вид: только так он не бросался в глаза и мог рассчитывать на отсутствие внимания со стороны вездесущих патрулей. Утром времени может не быть: все приготовления к новому дню начинались с вечера.

Засыпая, он ощутил привычную боль, тупо ударившую в виски. О болезнях в их кругу старались не думать. Да и он давно смирился с тем, что уже пережил отведённое ему время. Нужно успеть, нужно обязательно довести до конца всё, чем живёт столько лет... Не может судьба, столько раз спасавшая его, дать умереть, когда остался всего один шаг. Это будет слишком несправедливо, слишком жестоко.

Глава 2

Даша поправила подушку дочки, которая мило посапывала и чему-то улыбалась во сне. Сама на минутку присела на краешек кровати, нежно погладив её руку и мысленно пожелав спокойной ночи. А потом вышла на кухню, где ждал давно остывший чай. Когда утром будильник вырвал Дашу из тревожного сна, она пообещала себе лечь раньше, но уже почти двенадцать, день ничем не отличался от предыдущих, и чай пришлось вылить. Сполоснув чашку, Даша прошла в комнату.

Жалкие квадратные метры однушки не оставляли уголка, где можно уединиться. Последнее время она всё острее понимала, что задыхается без возможности побыть наедине с собой, хоть как-то переключиться на другую волну. Муж спал, распластавшись на всю кровать и стянув одеяло. Мелькнула мысль лечь рядом с дочкой, чтобы не тесниться под запах бродившего пива. Но утром придётся объяснять, почему она не хочет спать вместе, снова вспыхнут вечные обиды и укоры. Весь вечер Дима делал вид, что пришёл совершенно трезвым, просто немного задержался по работе. А она уже в который раз притворялась, что ничего не заметила. Неужели он действительно думает, что пиво не пахнет? Мужчины — странные люди. Выпивать пару бутылок пенного за вечер алкоголизмом не считается — это подтвердит

любой из них, да так убедительно, что нельзя не поверить. Раньше она пыталась возмущаться, взывая к совести. Весь арсенал семейных проблем: что у дочки порвались колготки, что нужно из чего-то придумывать каждый день завтрак, обед и ужин, что нужно купить ещё тысячу необходимых мелочей, — кажется, его совсем не тревожил. «Все так живут!» — вердикт звучал однозначно и не предполагал вариантов выхода из положения. И действительно, вокруг жили так же. Одно оставалось загадкой и никак не давало покоя: почему, если все зарабатывают столько же, у них всё так по-другому? Как они умудряются строить дома, делать ремонты, покупать машины и каждый год отдыхать на море? Как будто только Дашиной семье замкнутый круг жизни не давал вырваться из этой трясины, а из причин ничего подходящего на ум не приходило. Однажды она попыталась убедить себя, что нужно довериться судьбе и попробовать наслаждаться тем, что у неё есть. Даша перечитала тысячи советов психологов, пытаясь отыскать для себя нечто такое, что подарит надежду и поможет разорвать давящие оковы беспросветности. Всё впустую. Наверное, стоило смириться и жить, как советует муж, спокойно и ничего не принимая близко к сердцу.

Может быть...

Они познакомились на первом курсе медицинского института. Не заметить Диму было невозможно: он слыл душой компании, ловеласом и балагуром, вокруг него всегда было шумно и весело. Даша была другой, даже, скорее, его пол-

ной противоположностью. Она не выделялась экстравагантными нарядами, старалась держаться незамеченной. Но и за этой скромностью угадывалась настоящая принцесса, юная и мечтательная, в которой растившая её бабушка души не чаяла. Но едва Даше исполнилось восемнадцать, она осталась одна, похоронив единственного родного человека. Мама умерла, когда девочке не было и пяти. О папе она не знала вообще ничего — только однажды бабушка обмолвилась, что он был очень хороший, но слишком невезучий и, должно быть, пропал в тюрьме. От дальнейших расспросов бабушка старательно уклонялась и сразу замолкала, едва намечались вопросы о том времени, которое теперь навсегда останется тайной.

Дима очаровал Дашу. Лишившись опоры и поддержки, она быстро вышла замуж, надеясь, что в семье скроется от одиночества, а любовь даст ей силы пережить боль, которая никак не отпускала. Дима обожал свою жену. Он переехал в её квартиру, оставшуюся после смерти бабушки. Казалось, у них было почти всё необходимое молодой семье: любовь и отдельная жилплощадь. Быт омрачала лишь вечная нехватка денег. Они были студентами, а родители мужа помогать не спешили, считая, что женитьба предполагает самостоятельную жизнь со своим бюджетом. Даше пришлось устроиться на работу медсестрой и выбирать ночные смены. А Дима вскоре бросил учёбу, внезапно осознав, что быть врачом — не его призвание, а горбатиться сутками за копейки он не

намерен.

На пятом курсе родилась Леночка. Страшно вспомнить, как они тогда выживали... Как Даша смогла не бросить институт, оставалось загадкой даже для неё самой. Сейчас, оставив амбиции и махнув рукой на всё, Дима работал обычным слесарем, звёзд с неба не хватая. Зарплату он приносил исправно, дочку любил, да и Дашу, наверное, тоже. Со стороны они казались самой обычной семьёй с обычными проблемами. Жаль только, что куда-то улетели романтизм и мечтательность. Но ведь через такое проходят все. Вон, на работе, подруги уже давно в разводе, вышли замуж по второму разу, но ведь не нашли ожидаемого счастья, хоть и были уверены, что сейчас уж точно не ошибутся. А у неё всё хорошо. Просто вот такая она странная максималистка, мечтающая о чём-то, скорее всего, несбыточном. И ведь внимания ей уделяли немало, и недвусмысленные предложения поступали с завидной регулярностью. И подруги нередко интересовались, что за диета у неё и как получается выглядеть на двадцать пять. Даша тактично улыбалась, лишь мельком отметив очередной комплимент или поймав провожающий её взгляд.

Обычное утро и обычный путь на работу, в родную районную поликлинику, куда она когда-то пришла по распределению. Два года она жила с мечтой перейти в больницу и стать «настоящим», по её мнению, врачом. Но главный врач, Михаил Борисович Розенфельд, убедил молодого, но очень при-

глянувшегося ему специалиста остаться. Сейчас уже нелепо вспоминать те разговоры, да и сам Михаил Борисович уже год как на пенсии, но именно он позволил Даше наконец ощутить уверенность в себе. Постепенно приходили и опыт, и уважение, и место заведующей отделением в самом скором будущем прочили именно ей. Казалось бы, всё складывается замечательно... Но что-то не давало покоя. Что-то тревожно звенящее всё чаще увлекало в тягостные раздумья, возвращая в прошлое, которое уже не казалось простым.

— Даша, зайди к главврачу. — Старшая медсестра отделения Галя встретила её на лестнице. — Он уже два раза звонил, спрашивал о тебе.

— Не мог сразу меня набрать? — Привычка главного делать вид, будто вне работы он тревожить персонал не станет ни при каких обстоятельствах, выглядела странно.

— Ты же знаешь! — Галя хитро улыбнулась и, не удержавшись, добавила: — А тебя он ещё и побаивается.

О том, что Вадим Викторович тайно влюблён в Дашу, шептались все. Ей же приходилось изображать, что она ничего не замечает. Такое внимание нередко раздражало, однако вёл он себя тактично и старался скрывать чувства. Порой получалось смешно, но в целом убедительно. Со временем остались только эти мелкие безобидные шутки, от которых в женском коллективе избавиться невозможно.

— Даша, пожалуйста, присаживайтесь. — Вадим Викторович встал из-за стола и подвинул ей стул. Будучи с ней на-

едине, он старался демонстрировать особое отношение. — Даша, вам нужно ехать на курсы повышения квалификации. — Главврач посмотрел виновато, понимая, что она сейчас скажет, потому и не дал возможности ответить. — Я больше не могу не отправлять вас. Прошли все сроки. Нужно ехать. На месяц.

— Когда?

Перспектива оставить дочку с мужем тревожила Дашу. Она не верила в самостоятельность Димы, но других вариантов не просматривалось.

— Через неделю.

— Хорошо. Я поеду.

— Даша, правда, я сделал, что мог. Нужно ехать.

— Я знаю.

— Распишитесь у Аллочки, приказ у неё. И командировочные нужно получить. Даша, вы там чеки собирайте, я всё подпишу. — В эпоху тотального контроля и особого внимания к трате бюджетных средств это прозвучало как нечто невероятное.

— Я постараюсь уложиться в лимиты. — Даша понимающе улыбнулась. — Но если будет совсем туго, воспользуюсь вашим предложением.

За дверями кабинета секретарша Аллочка встрепенулась, вопросительно ловя настроение вышедшей Даши и не решаясь достать бланки.

— Давай показывай, где мне расписаться. — Даша оцени-

ла тактичность. Надо же. Она ведь самый обычный терапевт.

— Вот. — Алла протянула папку.

Даша подписала не глядя, лишь отметив про себя, что за столько лет так и не привыкла к фамилии мужа — Смолина.

Очередь из больных затаилась, увидев её на подходе к своему кабинету. Особо шустрые уже готовы были ворваться следом. Сейчас будут кричать, что им только спросить, а другие взорвутся негодованием, когда те застрянут надолго...

— Кому только спросить? — Даша остановилась у двери. — Спрашиваем здесь и сейчас. Остальные входят по очереди.

Повисла тишина. Пыл ретивых поугас.

— Сейчас выйдет медсестра, соберёт талончики и проверит тех, кто по записи. Она будет вызывать сама. Никто без приглашения не входит. Я ясно сказала? — Даша обвела взглядом тех, кто минуту назад хотел проскочить вне очереди. — Вот и замечательно.

Она села за стол и вдруг осознала, сколько всего предстоит переделать за эту неделю. Как родные останутся без неё? Слишком давно она никуда не выбиралась. Даже если была возможность куда-то выехать, находилась тысяча причин заняться срочными домашними хлопотами, которых хватало всегда. А может, она снова всё усложняет? Ищет чёрную кошку в тёмной комнате, как нередко говорил муж.

Как бы то ни было, через минуту ей пришлось вернуться на землю, и привычные заботы отвлекли Дашу от мыслей о

скором отъезде.

Глава 3

Лекция закончилась, но никто не расходился. Преподаватель, откинувшись на стуле у доски, слушал очередной вопрос. Неизменная улыбка, уверенность и какая-то лукавая ирония не сходили с его лица. Костюм, пусть и не самый дорогой, сидел как влитой, подчёркивая статную фигуру. Стильная причёска, никакого галстука — и никаких бумаг. Он никогда не пользовался конспектами лекций, поражая студентов потрясающей памятью и эрудицией. Трудно поверить, что месяц назад ему исполнилось сорок два. Его взгляд, манеры, движения пронизывало нечто располагающее, даже очаровывающее. Тонкий юмор, полное пренебрежение условностями, а также слава справедливого экзаменатора, требующего знаний, но не «валящего» студентов от скуки или плохого настроения, с годами принесли ему огромную популярность среди молодёжи. Его лекции никто не прогуливал, хотя он никогда не проверял присутствующих. Он сразу дал понять, что халява у него не пройдёт, и вместе с тем старался влюбить аудиторию в свой предмет, не просто выдавая очередь требующих запоминания фраз, но сопровождая их примерами из жизни и комментариями, которые порой цепляли публику лучше всего прочего.

— Роберт Маркович, скажите, — вопрос давно витал в

воздухе, но никто не решался его задать, пока студент третьего курса Коля Ненашев не проиграл спор, — почему вы сами не занимаетесь адвокатской деятельностью? Зарплаты там не чета институтским. Вы же всё знаете, вам нет равных в аналитике, у вас авторитет. Мне папа говорил, что вы подавали большие надежды, но всё же ушли. Почему?

На миг по лицу Валенжера (фамилия преподавателя, скорее всего, имела французские корни, но безжалостное время растворило истоки происхождения) пробежало некое подобие досады, словно от терзающего болью зуба. Роберт надеялся, что никто этого не заметил. Но он позволил себе задуматься, что само по себе выглядело непривычно.

— Не хочу защищать подонков, за которых платят большие деньги.

— Но ведь есть и невинно пострадавшие, — не сдавался Коля. Парень перешёл порог своей смелости и остановиться уже не мог.

— Есть. Вот поэтому я и учу вас. Кто-то из вас, уверен, станет защищать невиновных. Хотя, боюсь, чаще придётся выискивать ошибки следователей, которые что-то упустили в заключениях, протоколах и прочих бумагах, чтобы сбросить пару лет уроду, который того не заслуживает.

— Но ведь все имеют право на защиту, — в повисшей тишине робкий голос откуда-то из центра большой аудитории прозвучал слишком отчётливо.

— Вы правы, имеют. А ещё умеют запугивать свидетелей,

подкупать судей, терять доказательства. Много чего умеют. Но к нашей теме это не относится. Спасибо. — Роберт встал, показывая, что продолжения не будет. — Готовимся к экзамену.

Рабочий день подошёл к концу. Валенжер неторопливо шагал к своей машине — старушка давно требовала ремонта, но его в очередной раз пришлось отложить до лучших времён. Скоро июль. Он уже почти договорился снять дачный домик, чтобы вывезти жену с сыном на свежий воздух и хоть как-то сменить обстановку. Места там немного — спальня да большая кухня, разделённая на две зоны, которые условно считаются залом и столовой, — зато цена приятно удивила, можно пожить месяца полтора. Да и озеро недалеко. Было бы здорово вырваться на природу, устроить рыбалку, шашлыки. В последнее время атмосфера в семье только накалялась, и хотелось как-то её разрядить.

По пути домой Роберт привычно зашёл в магазин. Ритуал был настолько отточен, что у полок он почти не задерживался, лишь бегло пробегая взглядом по срокам годности. Набор стандартный, выверенный годами, причин отклоняться от него никаких.

Уже у двери квартиры он попытался взбодриться и вошёл, сверкая улыбкой и излучая максимум оптимизма.

— А вот и я! — Роберт шагнул в комнату. — Заждались?

Даже в больничной палате дышалось легче. Специальная кровать и всевозможные приспособления, расставлен-

ные повсюду бутылочки, баночки, рассыпанные таблетки — всё это давно стало их жизнью и их болью. Тот день перевернул всё. Сыну едва исполнилось шесть, когда в нелепой аварии ему повредило позвоночник. Уже десять лет Матвей прикован к постели. Немного двигалась левая рука — он даже мог перевернуть страницу книги или нажать на кнопки клавиатуры. Казалось, пережить такой удар не хватит никаких сил. Сколько слёз пролито, сколько бессонных ночей, истерик... Жизнь замерла, разделившись на «до» и «после». Жена сразу бросила работу, посвятив себя сыну, и с тех пор не отходила от него ни на шаг.

— В аптеку зашёл? — Оля даже не оторвала взгляда от телевизора.

Они смотрели все программы подряд. Когда собственная жизнь вдруг потеряла смысл, утешение осталось лишь в обсуждении происходящего у других. Ток-шоу на любой вкус с алчными до сенсаций ведущими увлекли их неожиданно и всецело. Вот и сейчас обсасывание какого-то очередного скандала интересовало родных больше, чем его возвращение.

— Матвей, мы же собирались продолжить работу над программой. — Роберт посмотрел на сына не то с жалостью, не то с раздражением.

Мириться с тем, что жизнь окончена, не хотелось, и оттого скрывать злость становилось всё сложнее. Роберт постоянно искал новые возможности увлечь сына, найти что-то,

чем он мог бы заниматься даже в таком положении — голова ведь у парня работает, времени сколько угодно, а отец готов помочь и поддержать. Но любые усилия разбивались о стену непрекращающейся депрессии, которая и самого Роберта начинала сводить с ума.

— Пап, кому нужна эта программа? Ну разберусь я, ну напишу её гениально — дальше что? Купим мне кровать крутую? Или телевизор ещё больше? Кому это надо? Зря только напрягаться.

— Оставь сына. — Жена посмотрела укоризненно. — Ему и так тяжело.

— Ладно. Я просто думал, что тебе это интересно.

Дожидаться ответа Роберт не стал, переоделся и пошёл на кухню. Готовить по вечерам незаметно стало его обязанностью. Оле постоянно не хватало времени, а он всегда старался помогать — вот и сейчас решил сделать всё побыстрее. Хотелось просмотреть последние публикации. Отслеживать актуальные изменения и даже те проекты, которые ещё не утверждены, но активно лоббируются, вошло в привычку — не столько из-за ответственности, сколько из-за вечного стремления знать в своей сфере если и не всё, то максимум возможного. Он ещё слишком молод, чтобы шепелявым голосом вещать лекции десятилетней давности. У него сложилось твёрдое понимание того, каким должен быть хороший преподаватель: это человек, который не просто знает свой предмет, а умеет увлечь, заставить проникнуться важ-

ностью этих знаний — а такое возможно, только если стирается грань между лектором и студентом. Нет, речь не о той дешёвой популярности, которую получают, задаром раздавая хорошие оценки. Роберт не забывал своих любимых учителей, которые оставили след в его жизни, и очень хотелось, чтобы молодые мечтатели из его групп тоже однажды вспомнили добрым словом «того крутого дядьку Валенжера».

Работа увлекла, и лишь скрипнувшая за спиной дверь вырвала из сосредоточенности.

— Тебе всё мало? — Оля принялась раздеваться, собираясь лечь спать. — Посидел бы с нами. Сын скучает.

Слов не нашлось, а смотреть телевизор он не хотел. Что-то разговоры больше не клеились. Интересно, любит ли он ещё её? Когда они женились, любил точно. Роберт даже помнил чувство помутнения от немыслимого счастья. Помнил, как радовался рождению Матвея и как все дружно встречали Олю из роддома. Он всё помнил. Порой память даже раздражала внезапными «приветами из прошлого» в самый неподходящий момент. Но сейчас он просто не понимал, что от него хотят и каким нужно стать.

— Когда у тебя зарплата? — продолжала жена, словно забыв, с чего начала разговор. — И зачем ты тогда ушёл в университет? Ведь мог зарабатывать куда больше.

— Опять? Оля, ты же всё знаешь. Зачем говорить о прошлом, которое невозможно вернуть?

Засыпали, как всегда в последнее время, друг к другу спи-

нами, и Роберт чувствовал, что прежние отношения канули в небытие, растворились в повседневных заботах и проблемах, от которых не виднелось спасения.

Он не любил вспоминать тот период жизни, но память раз за разом возвращала его в прошлое. Гражданское право не интересовало его никогда. Воображение рисовало громкие уголовные дела, где он блестяще ведёт партию, разбивая аргументы обвинения и торжественно провожая своих подзащитных из зала суда на свободу под аплодисменты и овации зрителей. И начало работы под руководством Исаака Моисеевича Кагана было похоже на сбывшуюся мечту. В свои шестьдесят пять Исаак Моисеевич научился разбираться в людях и тщательно отбирал помощников. Молодой парень с интересным именем зацепил старого адвоката потрясающей памятью и умением мыслить нестандартно, находить неожиданные решения. Роберт, в свою очередь, смотрел на учителя восхищёнными глазами, впитывая каждое слово и подражая ему во всём. Но скоро пелена романтизма начала рассеиваться. Вдруг стало понятно, что ни знания, ни искусство оратора — ничего из того, что мы видим в кино, — не гарантируют успех. Всё построено на связях, деньгах, влиянии. Последние иллюзии разбились, когда лидеры преступной группировки вальяжно вышли из зала суда под хохот встречавших их братков, а угрюмый следователь, сжав кулаки, подошёл к Роберту.

— Ну что, адвокат, гордись! — воскликнул он, не в си-

лах скрывать эмоции. — Они свободны! Твари! Они убивали, насиловали, грабили, но они невиновны! Потому что вы купили всё вокруг! И благодаря тебе сегодня опять кто-то зальётся слезами. Вы все скоты! Когда пойдёшь домой и ляжешь спать, знай — я вас ненавижу!

Кто-то оттащил следователя в сторону, а Роберт так и остался стоять, внезапно осознав, что это не та жизнь, о которой он мечтал. И эта ночь изменила всё. Делать вид, что ничего не произошло, он не мог.

Предложение поступить в аспирантуру и перейти на работу в университет выглядело спасением. Многие не поняли его решение, зато он вдруг нашёл себя. Оля с готовностью поддержала мужа. Тогда казалось, что самое худшее позади и теперь их ждёт безоблачная жизнь, наполненная любовью.

Сейчас это уже не имело никакого значения.

Лишь заходя в университет, Роберт преображался — вон он снова целеустремлённый, чуть ироничный мужчина, с искренней улыбкой, что вызывала симпатию и располагала. Уверенный шаг, свобода в каждом движении и чувство скрытой силы влюбляли в него студенток — впрочем, заведомо для них безнадёжно, и юные сердца обрекались на вздохи и страдания, которые со временем пройдут, оставив в памяти лёгкий след пролетевшей и растворившейся мечты.

С ректором Шагановичем он столкнулся у дверей столовой.

— О, Роберт, лёгок на помине. Только тебя вспоминали.

— Павел Викторович протянул руку. — Пойдём, как раз пообедаем и кое-что обсудим.

Они устроились за столиком, который в это время никто не старался занимать.

— Роберт, я знаю твоё семейное положение, но у нас просто безвыходная ситуация. Время сессии, а нужен представитель на конгрессе в столице. Помнишь, мы говорили о нём на той неделе? — Шаганович махнул рукой, пытаясь скрыть неловкость. — Понимаешь, некого послать. У тебя одного нет экзаменов до следующего четверга. В воскресенье туда, в среду вечером выедешь обратно, утром здесь. В поезде поспишь и всё успеешь. Заодно и нас выручишь. Ты пойми, ну не аспиранта же посылать, нужен проверенный человек, мало ли кто там соберётся. А тут одно на одно: Михаил Львович заболел, Иннокентий Семёнович не может по каким-то личным причинам. Спасай!

Слова лились бальзамом на душу. За пять минут Роберт узнал, что он чуть ли не главная надежда и опора университета, что страна не забывает героев и ему всё зачтётся в будущем. Что конкретно зачтётся и когда именно, оставалось загадкой, но шанса отказать Валенжеру не предоставили. Он уже давно никуда не выезжал и в глубине души обрадовался этой возможности хоть немного отвлечься.

— Умеете вы убеждать, Павел Викторович.

Был некоторый страх сказать об этом Оле, но перспектива побывать в столице, пройти по улицам студенческой юности

и не думать ни о чём выглядела слишком заманчиво.

В субботу Роберт мысленно составил план необходимых покупок. Оля не любила продуктовые магазины, хотя сама могла долго гулять по торговым центрам, ничего не покупая, лишь прицениваясь и примеряя. Его зарплата по нынешним временам была вполне приличной, и они могли бы позволять значительно больше, чем привыкли. Но с тех пор, как случилось несчастье, внимание было приковано только к сыну, а почти все средства уходили на дорогие лекарства и медицинские принадлежности. Отечественные аналоги Оля раздражённо отвергала, даже не вникая в суть, и считала, что всё дешёвое заведомо хуже.

Воскресенье пролетело незаметно. Командировочные давали возможность не экономить, и Роберт взял билет в купе. Раньше он очень любил дорогу: мерный перестук колёс, хорошая книга, чай в подстаканниках... Почему-то он плохо спал в поездах, отмечая каждую остановку и ожидая, когда продолжится путь, но утром всё равно чувствовал себя хорошо. И сейчас он спешил на вокзал в каком-то странном волнении, словно возвращаясь в давно забытые времена. Даже то, что Оля была откровенно расстроена его отъездом и потрепала ему нервы, пока он собирал нехитрые пожитки, не могло испортить ощущение праздника от смены декораций приевшейся повседневности. Пусть формально это была обычная командировка, ему всё происходящее ощущалось маленьким путешествием.

По пути забежал в магазин — купить на всякий случай бутылку вина. Завтра он мог встретить друзей, и будет неудобно появиться с пустыми руками. Проводница оказалась молодой и очень симпатичной девушкой. Роберт поймал себя на мысли, что неприлично счастлив, убежав из дома, и заставил себя сделаться серьёзнее.

Глава 4

— Дима, пожалуйста, смотри за Леночкой. Я буду на выходные приезжать. Смотри, здесь всё постирано и проутюжено...

Даша в который раз рассказывала мужу, что где лежит, абсолютно уверенная, что он всё забудет, едва за ней закроется дверь. Нужно будет звонить, напоминать, контролировать. Она ещё никогда не оставляла их вдвоём. Нервы и так на пределе, а муж ещё и постоянно отвлекается, что-то высматривая в телевизоре.

— Я сейчас уйду. Послушай минуту. Постарайся не задерживаться после работы.

— Что ты мне как маленькому? — Судя по тону, Дима уже начинал раздражаться. — Я всё помню.

— Хорошо. — Даша ещё раз осмотрела вещи. — Лена, никуда после школьного лагеря не ходить — сразу домой. Я буду тебе звонить.

Возникло ощущение, словно все уже ждут её отъезда. Ну и ладно. В конце концов, не маленькие. С голода не умрут.

— До остановки проводи. — Сумка была не очень тяжёлой, но слова выскочили автоматически. Может, просто от желания, чтобы кто-то помог и побыл рядом ещё немного.

Столицу Даша не любила. Суета большого города, шум и пробки были в тягость. Она несколько раз ездила туда по де-

лам и всегда с облегчением возвращалась домой, искренне не понимая тех, кто видит счастье в душной жизни мегаполиса.

До отправления оставалось не больше десяти минут, и Даша ускорилась. Проводница проверила билет и подала ей сумку. Вагон был почти пустым, и на подходе к распахнутой двери купе вдруг захотелось, чтобы и там никого не оказалось. Однако, едва войдя, Даша встретила взгляд, который заставил растеряться и забыть, о чём она думала ещё мгновение назад. На секунду оба попутчика замерли, словно оценивая друг друга. Даша ещё раз проверила место в билете.

— Здравствуйте. Давайте я помогу вам поставить сумку.

— Спасибо. — Даша отметила приятный голос. Глаза собеседника внимательно и, ей даже показалось, удивлённо пробежали по ней сверху вниз. «Обычно смотрят снизу вверх, а не наоборот», — подумала она, не ощутив, впрочем, ни малейшего раздражения от такого пристального внимания.

Они сидели напротив, словно не замечая друг друга. За окном начинало смеркаться. Незнакомец, оказавшийся её соседом, глядел в окно, словно что-то высматривая. Наверное, ищет слова и повод нарушить молчание. Стало даже смешно от ожидания услышать что-то тривиальное — в глубине души хотелось, если уж начинать разговор, то не с обычных фраз, которыми полон арсенал каждого красавца, уверенного в своей неповторимости. Даша отметила интел-

лигентность и приятную доброжелательность во взгляде попутчика, но вдруг сама испугалась собственной игривой расслабленности. Она — замужняя дама, солидная и серьёзная женщина, и подобные мысли ей совсем не идут. Нужно быть благоразумной и не забывать, как критически она всегда относилась к случайным знакомствам.

— Билетики показываем. — Проводница появилась через минуту после того, как тронулся поезд. — Постельное сейчас принесу. Чай, кофе, не стесняемся. — Женщина понимающе улыбнулась, словно что-то прочитала на лицах двух обитателей их купе.

Город вскоре остался позади. В наступающих сумерках таяли летние пейзажи. Когда-то давно Роберт очень любил проезжать реки и озёра — почему-то именно из окна поезда водоёмы выглядят особенно маняще и раскрывают всю свою красоту. Хотелось оказаться с удочкой на берегу, в тишине. Посидеть у костра, уснуть в палатке и встретить рассвет. Нет, сама рыбалка его почти не интересовала — по крайней мере, к активным её любителям Роберт себя не относил. Ему нравилась возможность отдохнуть, сменить обстановку, провести время вдали от шума и проблем. Правда, вспомнить, когда в последний раз он сам выбирался на природу, сразу и не получилось.

Незнакомка напротив тоже задумчиво смотрела в окно. Девушка определённо ему нравилась. Было в ней какое-то удивительное очарование, и Роберт поймал себя на мысли,

что старается уловить на стекле её отражение и рассмотреть повнимательнее.

— Не будете против, если я принесу вам чай? — Предложение поухаживать вышло неуклюжим, и ему стало неловко.

— Зачем? Проводница принесёт. — Суета последних часов постепенно отпускала. Даше хотелось переодеться, и попутчик, кажется, угадал её желание.

— Я всё же схожу за чаем. Сколько вам нужно времени? Я могу погулять в тамбуре.

— Увидите. Я открою дверь.

Только сейчас Роберт понял, что не поинтересовался, какой чай предпочитает его попутчица. Переспрашивать показалось не лучшим решением. Впрочем, выбор оказался настолько мал, что из двух чёрных он просто выбрал тот, что дороже. Сахар в пакетиках и железные подстаканники, которые он так любил в детстве... Казалось, что это реликвии из далёкого прошлого, но именно в них, а не в пластиковых стаканчиках, и таился весь шарм чаепития в поезде.

Дверь купе отворилась, когда он как раз приближался.

— Сколько я должна? — Девушка потянулась к сумочке.

— А это очень неудобно, если я просто угощу? Как-то не приходилось брать деньги за чай.

— Всё однажды бывает в первый раз. — Даша вынула купюру, заметно превышающую номиналом стоимость напитка.

— Теперь мне придётся округлять и искать сдачу. Давайте

оставим эту затею и, если вам уж не даёт покоя моя неуклюжая попытка поухаживать, купите мне чай утром. — Роберт улыбнулся. — Кстати, не смог удержаться: мой любимый батончик с помадно-сливочной начинкой. Вкус детства.

Он аккуратно разломал сладость и разложил на фольге.

— Надо же. Мужчина любит шоколад?

— Бывает. Кстати, меня зовут Роберт.

— Даша. — Она хотела выглядеть серьёзной, но не получилось.

— Я хотел бы ошибиться, но вы не очень похожи на путешественницу. Командировка?

— Я хотела бы, чтобы вы ошиблись, но у меня действительно командировка. А вы, полагаю, спешите на битву экстрасенсов?

— Ну, в данном случае магические способности не нужны, но комплимент я оценил. — Роберт чуть прищурил глаза. — Хотя был ли это комплимент — большой вопрос. Вашей иронии хватит, чтобы любой маг покаялся в несостоятельности. — Ему нравилась манера попутчицы говорить с серьёзным видом и смеющимся взглядом.

— Значит, способности всё же имеются?

— Скажем так, есть вещи, которые может считать практически любой внимательный человек.

— То есть, просто глядя на меня, вы можете рассказать нечто такое, что сможет меня удивить?

— Могу, но не уверен, может ли удивлять то, что и так

вам хорошо известно.

— Удивляйте! — Даша по-домашнему, с ногами, забралась на полку и устроилась поудобнее.

— А если я скажу не то, что вам хотелось бы услышать?

— Правда, хочу я того или нет, всё равно существует. А если вы ошибётесь, то и расстраиваться глупо. Смелее. Мне правда интересно, чем меня можно удивить.

Роберт на секунду задумался, словно оценивая возможные последствия.

— Давайте попробуем. Итак, вы замужем и у вас есть дочка лет девяти-десяти. — Пришлось скрыть улыбку, когда он заметил приподнятые брови собеседницы. Слова начали звучать увереннее. — Чуть сложнее с работой, но, думаю, это не педагогическая деятельность. Скорее, что-то связанное с финансами или медициной... Даже нет, мне кажется, всё же медицина. Рискну предположить, что вы врач. Рано вышли замуж, рано родили, большая любовь. Время многое изменило, возникает всё больше вопросов, на которые нет ответа. Вы пытаетесь найти смысл жизни и вырваться из замкнутого круга, но желание махнуть рукой и плыть по течению появляется всё чаще. В вас часто влюбляются, но это вызывает больше раздражения. И не потому, что вам не нравится внимание, — просто это не то внимание, которое хочется видеть. Вам не нравятся скучные, неинтересные люди. Но вас раздражают и те, кто симпатичен, — это неправильно с точки зрения жизни и морали, а значит, непозволительно.

Накопилась усталость, но приходится успокаивать себя тем, что так живут все, а кто-то даже хуже. Впрочем, на работе всё хорошо, дочка радует, и это даёт надежду, что всё наладится само собой, нужно только чуть подождать. А ещё очень хочется, чтобы кто-то понял и поддержал, но признаваться в слабости нельзя, откровенничать с кем-то желания ещё меньше, потому мысли проще прятать в себе. И порой кажется, что даже в толпе чувствуешь себя безумно одиноким и непонятым. И всё же природный оптимизм достаточно силён. Вы любите читать, у вас хорошее чувство юмора, и к вам тянутся люди. Вы знаете всё, что происходит с окружающими, — они сами несут вам свои проблемы и терзания. От вас постоянно требуют внимания, что утомляет, однако вы востребованы. А это в наше время уже немаловажно.

Даша слушала, не перебивая, и в какой-то момент отвернулась к окну, чтобы не видеть внимательных глаз этого странного попутчика, который просто пугал своей проницательностью. Когда мужчина замолчал, она даже не нашла слов, и пауза начинала затягиваться.

— Меня так просто прочитать? — В её голосе слышалась не то растерянность, не то тревога. — Откуда столько информации? Следили?

— Да. Я уже года три слежу за вами. Вы слишком красивы, чтобы остаться незамеченной в этом городе. — Роберт увидел, как смятение переходит в немой вопрос, и рассмеялся. — Ну конечно, нет. Всё куда проще. Когда вы достава-

ли деньги, кошелёк остался открытым на столе, и я невольно заметил фото девочки, которая, вполне логично, ваша дочь. В пакете под столом виднеется газета «Медицинский вестник», которая вряд ли встретится у кого-то, кроме врача. Да и вы её не покупали. К подписке вас наверняка обязали. Вы молоды, уж однозначно не больше тридцати. Я бы сказал, вам лет двадцать семь, но вряд ли вы родили в семнадцать. Значит, где-то около тридцати. Ну и, получается, замуж вышли рано.

— А вдруг я не замужем? — Беседа начинала напоминать игру, и Даша почувствовала уверенность. Да и упоминание возраста обернулось приятным комплиментом.

— Извините, но вы не похожи на девушку, которая оставит кольцо, расставшись с мужем.

— Вот как? И на кого же я похожа?

— Ни на кого. Вы просто не будете вздыхать для публики. Расстающемуся с вами нужно знать, что вероятность вернуться к вам будет почти нулевой.

— Бог мой! Откуда столько подробностей? Дочка, профессия, возраст — ладно. Но остальное?

— А что остальное? Я глубоко сомневаюсь, что есть такой человек, кому бы не хотелось однажды всё изменить. И не верю тем, кто рассказывает о безоблачной семейной жизни. Может, ещё переживают медовый месяц или просто врут. У каждого были минуты, когда готов если не развестись, то уж непременно прибить. Это потом наступает момент, когда от-

дать своё счастье, с которым столько промучился, мучительно больно. На первый план выходят доверие и надёжность. Кто знает, быть может, наши жизни — просто параллельные прямые? Люди различаются лишь интеллектом, положением и целями. А в сути своей мы все одинаковы, даже если и думаем, что являемся исключительными и неповторимыми.

— А если вот сейчас вы как раз и ошибаетесь? — Даша мысленно была согласна с каждым словом, но именно это её и задело, а теперь не давало покоя.

— Ничего страшного. Зато вам со мной как минимум не скучно, а это уже неплохо.

— Хорошо! Теперь моя очередь. Вы не боитесь услышать моё мнение?

— Завтра мы выйдем из вагона и больше никогда не увидимся. Тем более вы же сами сказали: «Правда всё равно существует». Бояться в высшей мере глупо. — Роберт взял кусочек шоколадного батончика и приготовился слушать, хитро улыбаясь. — Обещаю, любую правду, даже самую ужасную, я признаю под присягой.

— Ну, так глубоко мы заглядывать не будем. — Даша прищурилась, будто собираясь с мыслями, сложила руки на столе, как школьница, и чуть наклонила голову вправо. — С детства отличник и любимчик учителей. Единственный ребёнок в семье, уверенный в своей неповторимости, таланте и исключительности. В институте — звезда, староста группы и первый красавчик, который кружил голову всем, но никак не

мог найти единственную. А причина лишь в том, что нужна была только королева, а она, как известно, жила в Англии. Красный диплом... Пусть будет, например, факультет международных отношений или финансовый. Распределение в министерство или крутой банк. Сейчас успешная карьера, молоденькая секретарша, квартира в престижном районе. Поэтому можно рассказать уставшей женщине, попавшей с ним в одно купе, о том, как сложно устроен мир и как тонко мы умеем замечать детали. Ведь сам уже устал от жизни, потому что всё постиг и понял. — Даша не могла ответить себе, зачем перешла на этот слегка ядовитый тон. Она уже не раз замечала, что умеет быть колкой и даже безжалостной. Но этот спокойный и уверенный тип улыбался, словно радуясь всему сказанному, и она понимала, что он ей нравится. Оттого хотелось сказать что-то такое, что вернёт её в привычное состояние, и она забудет этот дурацкий разговор. — Одного не могу понять: что же вас радует сейчас?

— Всё здорово. Профессию почти угадали — я юрист. Правда, нет квартиры в центре, да и работа без секретарши — всего лишь преподаватель в университете. Но распределение выдалось шикарным. Диплом у меня был свободный, но попал я действительно здорово. И рос я один, и любили меня все. Вот только девушки не очень обращали внимание. Я был ботаником до кончика носа и ничего не успевал, но мечтал, правда, о королеве. Точнее, о принцессе. Королева тогда уже в возрасте была, да и чувств, честно говоря, к ней

не было. И жизнь я ещё не смог понять. Может, оно и правда, устал, но не настолько, чтобы потерять интерес. И знаете, Даша, описанный вами герой не мог ехать в купе поезда, тем более даже не скорого, чему я безумно рад. У него бы был свой «Мерседес» бизнес-класса и личный водитель, — ирония сквозила в каждом слове, но была слишком мягкой и отнюдь не обидной. Скорее даже игривой.

— Я бы на вашем месте сказала, что я не угадала ничего, и долго смеялась бы. Что, перечитали всего Карнеги и теперь пользуетесь приёмчиками, как завоевать расположение? — В глубине души Даша облегчённо вздохнула, заметив, что Роберт совсем не обиделся на её достаточно вызывающий монолог.

— Нет, ничего подобного. Одно время было желание перечитать и его, и Берна, и ещё массу книг по психологии... Да много чего хотелось, следуя и моде, и желанию стать самым продвинутым, всезнающим и всё понимающим. Потом както махнул рукой. Стараюсь просто проецировать все ситуации на себя и выбираю лишь то, что хотел бы видеть по отношению к себе. — Роберт взял опустевший стакан. — Знаете, я хочу ещё чая. Беру и вам тоже? — Он вопросительно посмотрел на Дашу.

— Берите.

Через пару минут он вернулся и принёс ещё два батончика.

— Не смог удержаться, купил ещё.

— Теперь как, мне утром вам два чая брать? — Даша так и не решила, стоит ли повторно предлагать деньги.

— Утром я люблю кофе. Правда, он здесь, наверное, не очень, но всяко лучше, чем ничего.

— Значит, вы тоже в командировку?

— Да. Я ведь учился в столице. И работать начинал там, почти год прожил. Столько лет уже... — Роберт призадумался. — Давно. Да и неважно. Потом родители умерли. И как-то всё сложилось... В общем, вернулся домой.

— Все туда, а вы оттуда?

— Получается. А что там для меня сейчас? Теперь уже поздно.

— Почему поздно? Разве что-то менять бывает слишком поздно? — Даше почему-то не хотелось слышать от мужчины такие знакомые ей безразличие и отрешённость.

— Не в этом дело. Неважно, где ты находишься. Не место определяет твои силы и возможности. Хотя, безусловно, гораздо проще пробиваться там, где жизнь кипит и бурлит. Но можно ведь и вокруг себя поджечь что-нибудь ненароком.

— Пожар на прошлой неделе не ваших рук дело? Весь город говорил...

Сгоревший второй этаж налоговой инспекции центрального района наделал немало шума. Домыслов звучало вдоволь, но правды, как обычно, не знал никто.

— Если это будет единственный путь, я обязательно рассмотрю этот вариант. Но та идея была не моя.

— А какие варианты есть ещё? — Даше нравился разговор. Впервые за долгие годы она встретила человека, который говорил что-то простое, но странно обволакивающее, поистине гипнотически притягивая внимание.

— Мне кажется, что с определённой периодичностью менять нужно всё. Здесь много оговорок, спорить можно долго. Должны ли цель или мечта оставаться неизменными? Как долго нужно упрямо к ним ползти? И что значит «изменить мечте» — слабость это или объективная реальность требует быть честным по отношению к себе? Не буду утверждать, что знаю точно. Важно сочетать упорство в достижении поставленных задач с умением находить новые пути и без сожаления расставаться с глупыми идеями, признавая их несостоятельность. Но одно я для себя решил точно — жить без мечты нельзя.

— И как? Получается всё время что-то менять? — Даше было не только любопытно, но и хотелось понять: не является ли и её желание изменить себя и свой уклад жизни всего лишь прихотью, не подразумевающей попыток к действию.

— Честно? — Роберт чуть сморщился. Получилось забавно. — Не очень. Но я не теряю надежды. Вообще говоря, мечта и не должна быть достижимой. Иначе, достигнув её, можно потерять смысл жизни.

— Как интересно! — Даша рассмеялась.

— Это не я придумал. Плагиат, но я не помню автора.

Роберт допил чай. За окном сгустилась ночь, и теперь ред-

кие фонари или окна пролетающих домов врывались в купе короткими вспышками, мимолётно пробегая по лицам и выдавая их эмоции и волнение.

— Ну что мы можем изменить? Вот я, например, врач. Можно перейти в другую поликлинику, даже уйти в частную практику. Можно устроиться в больницу и переучиться. Продавать лекарства я не хочу — просто не хочу, это не моё. Я в любом случае буду лечить — я это знаю, умею и даже люблю, пусть порой до злости. А значит, я могу это делать и на своём месте. Можно поменять мебель, машину, квартиру, но изменить мир вокруг себя — это просто слова. Да и что такое мечта? Сон, образ словно сам по себе, из другой жизни. — Даше не нравилось то, что она говорила. Она понимала, что в её словах звучит грусть, ставшая вдруг особенно отчётливой в последнее время.

— Думаете, я всегда уверенно иду к намеченным целям, строго соблюдая режим и не отходя от составленного плана? Не бывает тех, кто не проходит периоды разочарований и полного опустошения. А признаться в слабости и в том, что нет ни сил, ни эмоций, страшно, сложно и чаще всего некому. Близких не хочется расстраивать, а тех, кто не расстроится, не тянет радовать своим падением.

— И что делать?

— Нужно найти то, что очень любишь. Только любимое дело даёт силы и помогает всё преодолеть.

— Я так понимаю, учить вам нравится?

— Помню, в «Иронии судьбы» герой, узнав, что Надя — учительница, сказал, что у них самые нужные специальности на Земле...

— А она ответила, что, судя по их зарплате, это совсем не так, — закончила фразу Даша.

— Увы, ничего не изменилось. — Роберт понимал, что попадает под очарование спутницы, и не мог ничего с этим поделать.

— Есть дети? — Теперь в Даше проявилось чисто женское любопытство.

— Да, сын, — коротко ответил Роберт. Рассказывать про эту часть жизни не хотелось. — А вы что лечите? Даже не знаю, как правильно спросить: врач чего или врач по чему?

— Ничего и ни по чему. Я районный терапевт. — Даша вздохнула. — То по квартирам бегаю, то очереди разгребаю. Романтика.

— Мне веселее, — мужчина понимающе улыбнулся. — Со студентами скучать не приходится. Правда, в период сессии у меня тоже возникают очереди на сдачу зачётов и экзаменов. Но это совсем другая история.

— Да уж. Вам веселее. Моя романтика давно прошла, — согласилась Даша и, чуть запнувшись, добавила: — Я даже не помню, была она и закончилась или её вовсе не было. Учёба шла так тяжело, что в памяти больше бессонных ночей, чем студенческих историй.

— Я немного «Интернов» смотрел, очень весело и роман-

тично. Даже зависть взяла.

— Я немного смотрела что-то про адвокатов. Там у вас и денег платят много, и красавицы в объятья падают, а уж романтики... Словами не передать.

— Но я не адвокат, — развёл руками Роберт.

— Ничего, где-то рядом.

Оба рассмеялись. Быть может, в эту минуту они подумали о том, что жизнь как она есть не всегда привлекательна, но и показывать её как есть вряд ли имеет смысл. Ни к чему убивать романтические представления о будущем, что питают и ведут вперёд молодые умы, побуждая верить, любить и мечтать.

— Это всё очень интересно, но глаза начинают слипаться. — Набегавшись за день, Даша чувствовала, что силы оставляют её.

— Помню, в детстве я смотрел на маму и не понимал, как она встаёт каждый день ни свет ни заря. Однажды я спросил, а она ответила, что у всех взрослых так и, когда я вырасту, тоже буду просыпаться рано и не хотеть спать. С тех пор я каждое утро, открывая глаза и понимая, как мучительно хочется спать, думаю, что ещё не стал взрослым. Или на мне природа дала сбой. — Роберт поднялся и помог Даше снять матрас. — Стелите. Я отнесу стаканы.

Как обычно в поездах, спал он урывками, проваливаясь в сон и внезапно вырываясь из него под стук колёс, неотступный и неутомимый. Почему-то казалось, что уже должно на-

ступить утро, и Роберт в очередной раз посмотрел на часы, с горечью отметив медленно ползущее время.

Наконец наступило время подъёма. Стараясь не шуметь, он вышел из купе, а когда вернулся с двумя стаканами кофе, Даша уже не спала.

— Кажется, моя была очередь?

— Я помню. В следующий раз угостите вы.

— Следующий раз... — Даша грустно улыбнулась. Пора расставания неумолимо приближалась, а других слов как-то и не нашлось.

Роберт проводил её до метро.

— Вот моя визитка. — Он протянул карточку. — Может, будет повод позвонить.

— Может быть. — Даша, не глядя, спрятала её в наружный кармашек сумки.

— Было очень приятно познакомиться.

— Взаимно, — ответила она, уже уходя. — До свидания.

Вечером, раскладывая вещи в комнате предоставленного университетом общежития, Даша, словно что-то вспомнив, достала визитку. Про себя отметила странную фамилию и, чуть замешкавшись, бросила её в мусорное ведро. «Увы, он слишком хорош, чтобы звонить и встречаться. Даже будь повод, не стоит. Слишком много проблем может принести это знакомство», — подумала Даша. Или заставила себя подумать — что, в сущности, не имело никакого значения. Она не хотела допускать в свою размеренную жизнь ничего голо-

вокружительного.

А Роберт, несмотря на бессонную ночь, никак не мог уснуть. Казённая постель, новое место и мысли... Мысли снова и снова возвращали его в купе. Он вспоминал сказанное, раздражаясь от собственной неуклюжести. Сейчас в голову приходили и красивые фразы, и оригинальные темы, и шутки. Но уже поздно, да и глупо переживать.

Но что-то внутри терзало, заставляя вспоминать лицо и улыбку девушки из поезда.

Глава 5

Он просыпался, следуя какому-то звериному чутью. Годы не самого приятного опыта приучили прислушиваться, и порой, закрывая глаза, он запоминал окружающие звуки, чтобы сразу выделять из них что-то новое и незнакомое. Каждая мелочь имела большое значение. Даже часы — старые, механические, какие сейчас, наверное, уже и найти непросто, — были со светящимся циферблатом. Очень удобно. Уснуть — или, если точнее, забыться на короткий момент, — не зная времени, для него попросту невозможно. Вся его жизнь подчинена главному и единственному закону: ничего лишнего, минимум необходимого, и всё должно быть с собой. Но теперь, когда у него появилось это убежище, Олег почувствовал, что очень хочет хоть какого-то подобия дома. Может, потому и выросло беспокойство — ему теперь есть что терять.

Он вышел из подъезда и, не оборачиваясь, быстро зашагал в сторону пустыря. На самом деле ему нужно было совсем в другом направлении, но только так он мог убедиться, что за ним никто не идёт. Наверное, соблюдать подобную осторожность утром излишне — ведь если и интересовало кого место его ночлега, то только вечером, когда злые и голодные «коллеги» начинали активно искать тех, кто определился с «хатой». И от их липучей, почти судорожной хват-

ки не отделаться никому и никогда. Как ни старался он разорвать все нити, связывавшие его с жизнью дна, ничего не получалось. Они словно опутаны какой-то паутиной, накрывшей всех невидимых и словно несуществующих жителей города. Их стараются не видеть прохожие. Даже полицейские отворачиваются и делают вид, что их совершенно не касаются эти люди. Нужно просто раствориться, стать прозрачным, слиться с толпой — да что угодно, лишь бы пронизывающие, годами отточенные взгляды блюстителей порядка и друзей по несчастью прошли сквозь тебя, не задерживаясь и не выделяя из толпы.

Парк начинался буквально в пяти минутах ходьбы. Пруд на окраине окружали ровные асфальтовые дорожки. Догоняя уходящее здоровье, здесь по утрам бегали жители близлежащих домов. Может, кому-то подобное действительно помогало, но чаще это была последняя надежда, когда понимаешь, что с собой нужно что-то делать, а ничего убедительнее, чем купить кеды и спортивный костюм, на ум не приходит. Олегу нравилось здесь гулять. Можно осмотреться и ещё раз убедиться, что в зоне видимости нет никого подозрительного.

Всё было как обычно, и он, успокоившись, повернул в сторону конечной остановки автобуса. Вдоль изъеденного ямами шоссе раскинулся микрорайон «Солнечный». Незамысловатое название выдумал кто-то циничный. В тесноту домовых коробок свет не проникал как будто никогда. Мура-

вейник вечно спешащих и ничего не замечающих людей растекался утром в разные стороны, а к вечеру неиссякаемыми потоками стягивался обратно. И в разрезе, если представить, район тоже предстал бы многоэтажным домом. Чем выше ты проживаешь, тем меньше знаешь о жизни населяющих нижние этажи. Порой думаешь, что под тобой уже никого и нет. Но, едва стихнут твои удаляющиеся шаги, вдруг оживёт часть, которая казалась мёртвой. Олег не просто знал всё это — он там жил.

— Алэг, быстрээ! — Тимур, хозяин овощного магазина, уже ждал его. — Машына ждот. Смотры, сам всё правэр! — Он махнул рукой водителю, показав на Олега, а сам неспешно скрылся в подсобке.

Олег уже три года работал у Тимура. Шумная и сплочённая диаспора Закавказья плотно захватила рынок и прилегающие территории района, разбросав палатки и киоски. Этот магазин был по местным меркам достаточно большим, находился в хорошем месте, и торговля здесь шла бойко.

Проблема грузчиков и подсобных рабочих всегда стояла остро. Найти человека, который не пьёт, не ворует и исправно ходит на работу за сравнительно небольшие деньги, — задача не из простых. Олег появился как раз в тот момент, когда очередной работник ушёл в пьяный загул, а Тимур без малейшего акцента отборным матом крыл всех вокруг и разгружал машину картошки.

— Докумэнтов нэт, нычэго нэт! Гдэ я тыбя искат буду? —

Тимур настороженно смотрел на просителя работы.

— Что я у тебя украду? Картошки килограмм? Ну ладно, бананов ящик. Но мне жить надо. Мне работа нужна. — Олег старался не скатиться до уговоров. Он перебивался случайными заработками, но ещё не потерял надежду найти что-то неофициальное в таких вот местах, где нет законов и морали. Гордость и понятия, вбитые опытом и зоной, заставляли держать фасон.

— Краст будэш — найду! — Тимур выразительно провёл ребром ладони по шее.

— Найдёшь! — Появился шанс, и этот шанс нужно было использовать.

Через три месяца Тимур уже доверял ему настолько, что оставлял ключи. Правда, в исключительных случаях. Получить работника, который не просит отпуск, не отпрашивается по домашним делам, работает по десять часов изо дня в день с одним выходным в неделю, да ещё и платить ему меньше обычного, — Тимур и мечтать не мог о таком счастье. К тому же Олег не пил и порой поражал знаниями, никак не соответствующими образу типичного бомжа, что настораживало Тимура, который нередко замечал явно насмешливое отношение к себе со стороны подчинённого. Он чувствовал, что тот отнюдь не так прост, как кажется на первый взгляд. Однако ни то, где Тернавский жил, ни то, почему у него нет документов, Тимура абсолютно не интересовало. Его вообще интересовало совсем немногое.

Магазин уже полчаса как открылся, когда Олег закончил разгрузку. Предстояло перебрать лук и посмотреть, что нужно обновить на полках. Одно дело — выложить на витрину свежую красивую продукцию. Куда сложнее спихнуть начинавший портиться товар. Подумав, он всё же решил попить чаю. В это утреннее время народу ещё не было. В подсобке стоял чайник, и Олег, заварив покрепче, вышел с чашкой в зал, где у кассы скучала Вера.

— Вот смотрю я на тебя, Олег, и не пойму: почему такой мужик и всё время один? — Продавщица завела старую пластинку, и у Олега мелькнула мысль, что зря он показался. Мог бы посидеть и на улице, но теперь думать об этом поздно. — Не пьёшь, не куришь, руки золотые и характер спокойный. Я бы тебя не отпустила.

То, что она бы его не отпустила, Вера трогательно повторяла всякий раз, когда они оставались вдвоём.

— У меня за спиной двадцать лет зоны. На мне клейма ставить негде. Меня не то что не отпускать, меня подпускать к людям нельзя. — Что на него нашло в этот раз, он не понимал и сам. Обычная манера отшутиться вдруг куда-то пропала. — У меня, Вера, осталось только вчера и нет никакого завтра. Ищи молодого и нормального. Тебе ж от силы сорок, а я уже старый.

— Мне, между прочим, почти сорок пять, — сказала она с довольным видом, оценив комплимент. — А ты, кстати, неплохо сохранился. И седина очень идёт. Чуть поухажи-

вать, подчистить — и вообще красавчик был бы.

Ввязываться в утомительный разговор не хотелось. Представить себя проживающим с Верой в мире и согласии не получалось даже в самых смелых мечтах.

— Значит, повезло с генетикой. Объяснять мой вид здоровым питанием и образом жизни язык не повернётся.

Олег быстро допил чай. В подсобке высыпал на пол три сетки лука. Работа монотонная, можно на время «отпустить мозг», как говорил он себе в таких случаях.

Пятьдесят два года позади. Что в них? Что в нём самом? Однажды, нелепо сломав судьбу, он потерял надежду и махнул рукой на всё. Но что-то заставляло жить дальше. Раз уж Господь ещё не забрал его к себе, значит, у него остались дела на этой земле. Значит, есть смысл и в его жизни. Мысли снова и снова возвращались к его унылой реальности, и по огрубевшей щеке неизменно катилась слеза, которую он смахивал, озираясь по сторонам. Показать кому-то собственную слабость было непозволительно. Некоторые привычки впитывались на уровне рефлексов, позволяя не только жить, но и выживать. Дать слабину в суровом мире значило упасть почти без шансов подняться. И он привык драться, привык быть жестоким и не доверять никому.

Сейчас у него были ночлег и стабильный доход. Вот только насколько стабильный — вопрос сложный. Смешно сказать, но, чтобы здесь прослыть хорошим работником, нужно просто не пить и аккуратно выполнять поставленные зада-

чи. Жизнь до тюрьмы уже казалась нереальной. Он был молод, мечтал о карьере и успехе. Он видел, как умные, целеустремлённые, наглые и уверенные в себе покоряют новые высоты. Тогда и он хотел быть в числе тех, кто смог изменить свою историю. Теперь же стало понятно, что и без инициативы, без таланта и усердия можно выглядеть незаменимым и крайне важным. Всё зависит лишь от того, где ты находишься. А в его кругу быть вундеркиндом получалось так просто, что приходилось сдерживать себя, чтобы никого не шокировать. Только вот о том, что понятие ума слишком относительно и определяется не твоим самомнением, лучше не говорить. И на дне есть те, кто считает себя гением, по чистой случайности брошенным в эту Богом забытую дыру.

Вот, например, Тимур, который ожидаемо вернулся к обеду, чтобы проверить работу магазина. С серьёзным видом он рассматривал прилавки, морща лоб и выискивая недостатки. Всё было убрано, и он, недовольно хмыкнув, молча удалился в свою конуру — такова высшая степень одобрения с его стороны. Народ прибывал, работа пошла веселее, позволяя забыть грустные мысли. Олег метался между подсобкой и залом, поднося товар и поглядывая за посетителями.

Вечер наступил незаметно. Ещё один день торопился уйти в прошлое.

Олег неспешно двинулся по привычному маршруту. Три фигуры, маячившие на пути, он приметил сразу. Манеры, позы и небрежно бросаемые в его сторону взгляды ничего

хорошего не предвещали. Ещё не поздно свернуть, но троица явно видела его, и показывать, что он пытается избежать встречи, не стоило. Страха не было. Просто ни к чему ему сейчас все эти визиты из прошлой жизни, с которой он безуспешно пытался порвать.

— Ты чё, Шапир, не признаёшь? — Стоявший к нему спиной обернулся. — Здорово, братан.

Это был Косой. Они познакомились лет пятнадцать назад, когда Олег отмотал уже приличный срок и оказался в числе тех, кого приблизил к себе авторитетный вор Мамай. Они оказались земляками, и приблатнённый Косой старался на этой почве скорешиться с ним, подбираясь таким путём к авторитетам. Потом они случайно пересеклись уже на свободе, года полтора назад. Общих дел у них не было никогда, потому о причинах такого внимания оставалось только гадать.

— Здорово, коль не шутишь, — показывать напускную радость от встречи Олег не спешил.

— А я думаю, лицо знакомое. — Косой сплюнул и протянул руку к стоявшему рядом молодому. Тот быстро протянул сигарету. Олег отметил, что Косой явно строит из себя авторитета. Стало даже смешно. Всё это он видел не раз, а дешёвые понты рассчитаны на бакланов, которые, открыв рот, смотрели на главаря.

— Каким ветром в наших краях? Давненько не видно было.

Обмениваться рукопожатиями никто не стал.

— Ты же знаешь, мы птицы вольные. — Косой затянулся. — А ты как? Совсем от нашей жизни отошёл?

— Жизнь — она у каждого своя. Я своё хозяину отдал. Долгов нет, — Олег говорил твёрдо, показывая холодную решимость. Он уже начинал понимать, что от него хотят.

— Ты, Шапир, человек авторитетный, законы знаешь. Общак нужно поддерживать. И тебе помогли когда-то, и ты теперь должен помогать.

— Я дел не имею. Так что меня не примазывай, в завязке я.

— Зря ты так. Мало ли что в жизни бывает. Может, помощь будет нужна... — Косой знал нрав Олега ещё по зоне и потому вёл себя спокойно, прощупывая почву. Теперь здесь его территория, он здесь главный, и Шапир тоже должен знать, что этот район в его подчинении. Он здесь поставлен, он следит за порядком. — Но мы с тобой на нарах рядом парились, я тебя знаю. Ты обращайся, если что.

— Бог даст, справлюсь. — Олег всем видом показал, что говорить больше не о чем.

Косой всё же протянул руку.

— Ну, бывай.

— Бывай.

Что ж, теперь им придётся пересекаться, это ясно. Но была уверенность, что лично он Косому не интересен. Троица молчаливо провожала Олега взглядом. Наконец тот, что раздавал сигареты, не выдержал:

— Слушай, Косой, а он не борзый?

— Он? — Косой сделал паузу. — Он борзый. Но ты его обойди при случае, от греха подальше. Его сам Мамай братом считал. Мутная там история была. Ладно, пора нам.

Олег не любил такие встречи. Они возвращали в то прошлое, которое он старался забыть. Вот только сделать это, наверное, уже невозможно. И снова длинный путь домой, снова максимум внимания и аккуратности. Единственное, что по-настоящему пригодилось на воле из тюремного опыта, — это умение пользоваться отмычками. Старый вор Бусел проникся к Шапиру удивительным расположением и старался передать свои навыки. Тогда Олег не собирался ими пользоваться, но обижать человека, который знал, что уже никогда не выйдет на волю, не хотел. Зато теперь открыть подвал или чердак он мог безо всяких проблем и мысленно не раз благодарил наставника.

Быстрый ужин — и Олег с лёгким трепетом снова достал планшет. Там хранилась цель его жизни, его мечта и единственная надежда — книга. Она уже почти готова, остались последние страницы. Сейчас, когда работа близилась к завершению, ему стало особенно страшно, сомнения одолевали с непреодолимой силой. Рассказчиком этой истории служила сама его жизнь. Два года назад ему казалось, что получится нечто необыкновенное и пронзительное. Потерянные десятилетия душили невыносимой тяжестью бессмысленного существования. Эта книга должна стать оправданием его

никчёмности и пустоты, которые жили с ним уже столько лет.

Он должен вернуть тот долг, который не давал покоя и сна.

Однажды на зоне у него мелькнула мысль: а нужен ли он на этой земле? Задумавшись, Олег пришёл к выводу, что степень твоей важности и необходимости определяется не тобой лично, а окружающими людьми. И пока есть те, кто в тебе нуждается и кто рассчитывает на твою поддержку, нужно жить. Нужно собрать все силы, все умения и всю энергию, чтобы отдать их за улыбку, за благодарный поцелуй, за тёплое касание. Если твоё существование дарит радость, если ты способен сделать счастливыми тех, кто рядом, ты не зря живёшь на земле. В тот момент, когда за спиной были пять лет зоны, а впереди не намечалось ни малейшего просвета и жизнь теряла всякий смысл, он вдруг обрёл мечту. Ещё не знал он всего уготованного судьбой, но точно понимал одно: жизнь не имеет ни малейшего смысла, если она никому не нужна. Он был совсем один. Его никто не ждал, ему некуда было идти. У него не было «завтра», осталось только «вчера». Но он должен жить ради той светящей из прошлого улыбки, что приходила во сне и давала силы, наполняя бессильной злобой за упущенное, потерянное, беспечно сожжённое. И этот долг будет будить его по утрам, согревать, укрывать от дождя и заставит вставать, когда больно и нет никаких сил.

Память снова и снова возвращала его в те дни, когда ещё

можно было всё исправить. Как наивно, как смешно всё тогда получилось...

Начало девяностых ознаменовалось новыми лозунгами и новыми ориентирами. Вдруг стало можно всё. Ему исполнилось двадцать пять, вокруг один за другим создавались кооперативы — народ ринулся в бизнес, где крутились большие деньги. Начинался первый этап накопления капитала. Три года назад он закончил юридический институт и работал на одном из крупнейших предприятий города, в отделе внешнеэкономических связей. Но не о таком он мечтал. Объёмы падали, завод разворовывали на глазах. Когда давний товарищ из института позвал в новоявленную частную адвокатскую контору, предложение показалось просто сказочным. Он видел перед собой одну цель — заработать любым способом, чтобы вместе с женой и трёхлетней дочкой съехать из однокомнатной квартиры, где они ютились вчетвером с тёщей. Олег работал до ночи, забирая все возможные дела и мечтая снять хотя бы комнату.

Та встреча перевернула его жизнь. Иномарок в городе было немного, и, когда одна остановилась возле их офиса, все замерли. Клиент выглядел весьма презентабельно. Два молчаливых амбала замерли по движению его руки. Лев Геннадьевич — так звали гостя — вошёл в кабинет Олега и закрыл за собой дверь.

— Мне нужен человек, который не только знает уголовное право, но и сможет помогать в бизнесе. Человек, которому я

буду доверять. Знаю, что ты работал на заводе, вёл договоры, знаешь английский и сейчас занимаешься уголовными делами. Мне нравится, что ты молод и амбициозен. — Мужчина взял со стола карандаш и написал на чистом листке цифры. — Смотри, это твоя зарплата без бонусов. Премии могут превышать её многократно. — Цифры выглядели настолько впечатляюще, что о премиях можно было не думать. У Олега пропал дар речи. — Согласен?

— Да! — Во рту пересохло, и голос показался незнакомым.

— Ну и отлично. Поехали. Я покажу твоё рабочее место. Здесь тебе делать больше нечего. Первый рабочий день — сегодня.

Офис был вызывающим. По коридорам сновали привлекательные девицы, безостановочно звонили телефоны, за приоткрытой дверью кто-то что-то орал. Олег вошёл в свой новый кабинет и окончательно растерялся — такой роскоши он не видел никогда. Хозяин наслаждался произведённым эффектом.

— В курс дел тебя введёт Марат. — Лев Геннадьевич кивнул в сторону щупленького старичка в смешных маленьких очках. — Он твой заместитель и помощник. Главное, запомни: всё, что услышишь, узнаешь, останется в этих стенах. Я подписок брать не буду, но и разбираться тоже. Здесь всё решается не по тому закону, который ты учил. Есть другой. С сегодняшнего дня ты директор нашего филиала. Поздрав-

ляю. И вот что... — Говоря это, он достал бумажник. — Это аванс.

Последние сомнения улетучились, а захлестнувшее чувство эйфории лишило Олега способности думать.

За три последующих месяца они сняли квартиру в самом престижном районе, купили машину, и Олег впервые ощутил себя на гребне волны. Золотая рыбка была в его руках, исполняя любые желания. Но чем больше Олег узнавал, тем меньше оставалось иллюзий и радости. Суммы, проходящие по счетам, зашкаливали. Молчаливый Марат не то что ничего не рассказывал, а чаще всего просто молча протягивал документы на подпись и уходил, не утруждая себя объяснениями. Беспокойство нарастало.

В один из дней в офис вошли два крепких парня, сунули под нос бумагу, которую назвали ордером на арест, взяли его под руки и, ничего не говоря, затащили в машину. Через двадцать минут он сидел в кабинете следователя. Олега Геннадьевича Тернавского обвиняли в сокрытии доходов и неуплате налогов в особо крупном размере. Кроме того, оказалось, что сумасшедшие кредиты, полученные под программы строительства огромного бизнес-центра, ушли по каким-то договорам, и на его фирму подали в суд несколько крупных банков.

Оставалась последняя надежда, что ему помогут. Вечером дверь в камеру открылась, и охранник впустил Льва Геннадьевича.

— Ну, привет. — Он остановился у двери, и Олег, сообразив, что приближаться ему не стоит, лишь кивнул. — Ты парень умный, всё уже должен был понять. Ты соглашаешься со всем, что тебе предъявляют, и молчишь. Если вдруг что-то удумаешь, помни: на воле у тебя жена и дочка. В общем, так: пока молчишь — всё будет хорошо. Отсидишь, выйдешь и жить нормально станешь. За семьёй присмотрим, тебя в обиду не дадим.

Олег снова качнул головой.

— Ну и молодец. Понятливый.

Когда огласили приговор, хотелось выть. Восемь лет с конфискацией. Ну три, ну пять, но не восемь. Это же почти вечность.

Жена с дочкой вернулись к маме. Через три месяца Льва Геннадьевича пристрелили. Сказка кончилась. Но в заключении знание законов и умение писать апелляции оказались почти бесценным даром. За советом к нему выстраивалась очередь. Однажды пришлось познакомиться и с Мамаем, вором в законе и смотрящим на зоне. Через два года он получил письмо о смерти жены. А ещё спустя пять лет жестокая драка закончилась несколькими смертельными исходами. Это была одна из тихих войн внутри зоны, и Шапир, как его уже звали, выступил за Мамая. Следствия как такового не велось, машина правосудия работала быстро и неумолимо. Но, положа руку на сердце, его роль в этой истории была совсем не маленькой. Роковые события добавили не только

авторитета, но и двенадцать лет срока.

Жизнь стремительно неслась под откос.

Глава 6

Сессия подходила к концу. Осталась последняя пересдача, а с понедельника начинался отпуск. Роберт раскладывал на столе билеты в ожидании неудачников, дотянувших дальше некуда: кто-то никак не мог запомнить казавшийся им бессвязным набор слов и цифр, кто-то вообще еле выполз на сессию. Весь семестр он пытался довести до студентов, что в его предмете нет незначительных моментов, нет лишнего. Здесь в каждом параграфе не просто срок, который получит человек, — здесь его судьба и его горе. Можно всё просто заучить, но это примитивно. Роберт не любил откровенных зубрил, мгновенно забывающих предмет после сдачи экзамена. Зато он всегда был готов помочь желающим вникнуть в суть, найти взаимосвязи и логику даже там, где на первый взгляд их не просматривалось. Всё это им придётся ещё не раз открывать и переучивать потом, когда начнётся настоящая практика, но крайне важно точно знать, что тебе нужно искать, и понимать, как применять полученные знания.

Дверь кабинета отворилась, и показалась рыжая шевелюра Коли Ненашева, который умудрился выйти на сессию только к третьему экзамену.

— Роберт Маркович, можно уже? — В голосе чувствовалось волнение.

— Заходи. Что ж ты? Вроде и не двоечник, а с хвостами.

— Роберту был симпатичен этот юморной парень. — Неужели и у тебя последний шанс?

— Да понимаете, я сам не ожидал. Начал подрабатывать и не рассчитал силы. Не выкручиваюсь я на стипендию. — Было видно, что парень чувствует вину, стесняясь положения отстающего.

— Ну, всё не так плохо, Коля, — хотелось чуть успокоить бедолагу, благо настроение у Роберта было хорошее. — Пересдача — не конец света. Не ты первый, не ты последний.

— А что толку учиться, Роберт Маркович? Вы вокруг посмотрите! Неужели адвокаты кому-то нужны? Проще дать обвинителю взятку — и он сам найдёт у себя ошибки, акцентирует на них внимание и скинет срок. Чудак, кричавший «О времена! О нравы!», даже не представлял, как всё сложится впереди. Боюсь представить, что бы он сказал сейчас.

— Не чудак, а Марк Туллий Цицерон, и сказал он эти слова в храме Юпитера Статора в первой речи против заговора Катилины восьмого ноября шестьдесят третьего года до нашей эры на созванном им заседании сената города Рима. — Роберт с улыбкой смотрел на онемевшего студента.

— Вы вообще всё знаете? — Ненашев растерянно стоял у стола.

— Всё знать нельзя. А ты тяни билет. — Роберт открыл зачётку. — Ещё что-то осталось сдавать?

— Вы последний.

— Значит, соберись. Безденежье пережить можно, а вот

отчисление... — Роберт прищурился. — Хотя и отчисление можно пережить. Всё можно пережить. Там никого под дверью больше нет?

— Как нет?! Стоят, родимые. — Коля отвернулся к стене и левой рукой, не глядя, взял билет.

— Ну как? Повезло? — Роберт смотрел на студента с улыбкой. Когда-то и он делал точно так же. Помогало не всегда.

— Могло быть и лучше, — оптимизма в голосе Коли не ощущалось.

— Готовься. — Роберт открыл дверь. — Что стоим? Заходим и берём билеты.

Он обводил взглядом склонившиеся над столами головы студентов, замечая каждое движение. Сидящий на последней парте бросил на него изучающий взгляд. Роберт видел всех, кто пытается списать. Смешно — он ведь просто уберёт всё написанное, точнее, списанное, в сторону и будет задавать совсем другие вопросы.

А ведь прав Коля. Но не в том, что времена изменились. Есть вещи, которые не меняются с годами и правителями. Прав в том, что знания далеко не всегда определяют успех и положение. Куда важнее попасть в струю, уметь преподнести себя, выкручиваться, налаживать мосты и чувствовать ситуацию. Неожиданно для самого себя Роберт ощутил, что весь арсенал его навыков — лишь теоретическая база, которую он упрямо пытается представить студентам как основу их буду-

щего успеха. А ведь сам он так и не убедился в правильности выводов, не ответил себе на вопрос: «Сможешь ли ты сам всё это применить на практике?» Сейчас эти ребята замерли перед ним в волнении и убеждённости, что от экзамена зависит их дальнейшая жизнь. Сейчас он должен решить, кто из них продолжит учёбу, а кто окажется у черты, которая способна перевернуть ещё недавние надежды. В этом есть что-то до боли глупое: человек решает судьбу человека. Не Бог, не судьба, не слепой случай, а именно он, Роберт Валенжер, сейчас поставит оценку и, возможно, изменит что-то в жизни этого рыжего парня. А тот мечтает доучиться, работает по вечерам и выходным, чтобы просто существовать, и, может быть, даже без этого экзамена станет хорошим специалистом, обретёт понимание и откроет в себе неожиданную проницательность. Кто может оценить его невидимые, скрытые до поры таланты?

— Кому нужна тройка, давайте зачётки. — Роберт прочитал удивление на лицах ребят.

Он молча расписывался, с одобрением отметив, что Коля единственный остался на месте. Было приятно, что парень не обманул его ожидания.

— Ну что, по законам жанра оставшемуся в одиночестве я должен предложить четыре, — Роберт улыбнулся. — Но шанс был один. Тебе придётся отвечать.

— Но, если что, три вы всё-таки поставите? — Во взгляде студента теплилась надежда.

— Нет уж. Теперь давай по-честному. — В душе Роберт понимал, что четыре поставит в любом случае, но хотелось дать парню заряд адреналина.

Пятёрки не вышло, но четвёрку они общими усилиями вытянули, хотя и пришлось разобрать половину билетов. Коля даже вспотел.

— Никогда ещё меня так не гоняли, — выдохнул он, глядя, как преподаватель выводит ему в зачётке заветную оценку.

— Вот видишь, что-то в памяти останется.

Роберт смотрел на уходящего юношу, и на душе у него было очень хорошо. Конечно, несправедливо раздавать оценки просто так. Но и понимать, что ты не стал причиной чьей-то боли, тоже очень приятно.

Мысленно он снова вернулся в тот вечер, когда встретил удивительную попутчицу в купе поезда. Ещё тогда, при расставании, он уже понимал: Даша не позвонит. Что он знает о ней? Только то, что её зовут Даша. Стоп, и ещё она терапевт. «Интересно, сколько в городе поликлиник?» — едва подумав, он быстро набрал запрос в интернете. Оказалось, что взрослых двадцать две. «Не так уж и много». Роберт начал собираться. На сегодня дел не осталось, да и освободился он раньше планируемого. Зашёл на кафедру, обменялся парой незначительных фраз с коллегами, собиравшимися отметить конец сессии и начало отпуска. Больше его ничего не задерживало, и он спустился к машине.

Теория вероятности логична лишь на первый взгляд. Сейчас рассуждать логически было сложно, а опыт говорил, что искомое всегда находится в противоположном конце от точки начала поиска. «Ну что ж, попытаемся обмануть законы невезучести». Он решил начать с середины, наугад отметив не самые дальние, но и не ближние районы. «Можно, в общем-то, и за день всё успеть. Но целого дня у меня нет. Значит, нужно проверять по две-три и по возможности в попутном направлении. Теоретически за неделю я её найду». Мысленно Роберт уже составил план поиска, сам не до конца понимая, зачем вообще всё это устроил.

Окошко регистратуры пустовало.

— Скажите, пожалуйста, у вас есть терапевт по имени Дарья? — Только сейчас он сообразил, что даже сам вопрос звучит глупо.

— Есть кардиолог Дарья Семёновна. Не устроит? — Молодая девушка оторвалась от журнала, в котором что-то писала. — И медсестра в хирургическом отделении.

— Спасибо, уже не надо, — бросил Роберт и поспешно вышел на улицу.

Вся идея поиска вдруг показалась ему смешной и даже глупой. «Ну что я ей скажу? „Привет! Помнишь, мы ехали в одном купе?“ — Роберт живо представил возможный диалог. — Мало ли кто с кем ехал. Улыбнётся, сделает вид, что страшно рада, и будет искать повод поскорее убежать. А я буду это видеть и понимать, что нужно как-то тактично сва-

лить. Отличная перспектива! В итоге в неловком положении и она, не понимающая, что со мной делать, и я, мечтающий провалиться сквозь землю». Что ж, поговорить самому с собой иногда бывает не так уж и бесполезно.

Роберт крепко зажмурил глаза, словно пытаясь сбросить внезапное оцепенение, и повернул в сторону дома. Послезавтра они переезжают на дачу. Нужно продумать, что с собой взять, и начинать потихоньку собирать вещи.

Домой он приехал непривычно рано. Телевизор рассказывал очередную историю неудавшейся любви, которую горячо обсуждали в огромной студии.

— Сама виновата! — Оля не отрывалась от экрана. — Нужно было сразу детей рожать, а не ждать, пока карьера сложится, пока денег заработают...

— Как вы меня? — Матвей зло посмотрел на неё. — Могли бы и подождать. Всё было бы иначе.

— Мы? Мы... — Слёзы выступили на лице матери.

— Что, и сказать нечего? Думать надо было! — Лицо сына перекосила злоба.

— Вот и поговорили. — Роберт смотрел на жену и сына не то с усталостью, не то с грустью. — Я даже готов признать, что виноват во всём я. Но эту жизнь нужно менять! — Он как никогда явственно осознал, что больше не способен выносить эту давящую атмосферу. — Сейчас мы вместе будем собирать вещи. Послезавтра едем на дачу. А там мы составим план. Если вас всё устраивает, живите по-прежнему.

Лично я так больше не могу.

Глава 7

Первую половину дня Даша носилась по вызовам. Хотела зайти домой перекусить, но, пробегая неподалёку, лишь с грустью посмотрела на часы — времени уже не хватит. За десять минут до приёма только чай она и успела попить. А после работы пришлось почти на час задержаться. Обычный день, даже слишком обычный. В свой подъезд Даша вошла с одним желанием — упасть на диван и не вставать. Как всегда, первой её встретила Лена.

— Мама, ура! — Девочка с визгом бросилась на шею.

— Как ты сегодня? — Школьный лагерь закончился. Лена проводила дни дома. Она могла часами рисовать, что-то вышивать, читать и совершенно не чувствовала себя одинокой.

— Всё хорошо. Звонила Настя. Можно, она придёт ко мне завтра?

Одноклассница и лучшая подруга Лены нередко приходила к ним в гости.

— Конечно. А где папа? — Даша слышала звук включённого телевизора. Гадать, чем занимается муж, не приходилось.

Она прошла в комнату. Дима лежал на диване, увлечённо смотря футбольный матч. Две пустые пивные бутылки стояли за диваном, ещё две полные ждали своей участи. Судя по увлечённому взгляду мужа и полному игнорированию её

прихода, матч очень важный.

— Чемпионат мира? — Не то чтобы её это сильно интересовало, но надо же с чего-то начать. Дима даже не обернулся.

— Чемпионат Италии.

— А пива не мало? — Бесило всё, но ещё больше не хотелось окончательно портить вечер.

— Слушай, я могу отдохнуть? — Он сделал звук громче. — Я с работы пришёл!

— Пойдём, Лена. — Даша вышла на кухню.

Хуже всего, что нет никакой возможности спрятаться. Пусть хоть маленький чуланчик, да что угодно, лишь бы просто побыть одной. Если бы не дочь, она бы сейчас, наверное, завалилась спать. Вот только ребёнок завтра опять останется один на целый день, и нужно приготовить ей обед.

— Мам, мне бабушка звонила. Спрашивала, что подарить мне на день рождения. — Лена старалась быть самостоятельной и пыталась помогать матери. Подставив табуретку и надев фартук, она мыла посуду.

— И что ты сказала? — Даша давно не рассчитывала на свекровь. Родители Димы жили со старшей дочерью, его сестрой, и о них словно забыли. Но сейчас любая помощь была бы совсем не лишней.

— У бабушки денег всё равно нет. Я книжку попросила. — Лена грустно, по-взрослому вздохнула и вытерла руки. — Знаешь, мам, Насте дедушка с бабушкой компьютер подарили. Ване — велосипед. Но нам же это неважно? — Она с на-

деждой посмотрела на мать.

— Самое важное, что она помнит о тебе и всегда поздравляет. — Даша хотела сказать, что они с Леной давно уже одни и нет у них никого, кто мог бы помочь. Эта необходимость рассчитывать только на саму себя хороша лишь в тех случаях, когда очень хочешь показать свою независимость. Как бы хотела она сейчас побыть зависимой, слабой, чтобы о ней позаботились и кто-нибудь просто сказал: «Не переживай, я всё решу. Всё будет хорошо, а ты иди и отдыхай». Но, увы, это только мечты.

— Мама, это потому, что мы такие невезучие?

— Почему невезучие? Мы самостоятельные и можем всего добиться сами. — Даша подумала, что обязательно купит дочке велосипед на день рождения.

— Я буду тебя всегда любить и помогать. — Лена прижалась к ней, обняв изо всех силёнок. На глазах Даши выступили слёзы, и она постаралась украдкой их смахнуть.

Было уже начало двенадцатого, когда Даша вышла из душа. Она старалась как можно тише лечь в постель, надеясь, что Дима уже уснул. Но вдруг муж прижал её к себе, обдав несвежим пивным дыханием.

— Не надо, пожалуйста... — Она отстранилась, пытаясь отодвинуться подальше. — Я очень устала и плохо себя чувствую.

— Ну ты постарайся на работе как-то поменьше брать на себя. А то совсем забегалась. — Он отвернулся к стене и уже

через минуту засопел.

Расстройства в голосе мужа Даша не почувствовала. Даже ревность не кольнула. Странно. Может, показалось? «Неужели мне всё равно? — Почему-то она вдруг вспомнила недавнюю поездку и случайное знакомство. — А ведь с тем всё могло быть иначе. Впрочем, какая разница? Было и прошло».

Даша закрыла глаза, но ещё долго не могла уснуть.

Глава 8

— Ты зачэм этот хороший консерв продаёшь? Пачыму эти здэсь? — Тимур выволок из кладовки ящик и устраивал очередной плановый разнос. — Я вам в зарплату отдам всё. Глаза гдэ? Чытать нэ можытэ? Каровы двэ! Выгану!

Сегодня хозяин магазина вызвал на работу и Веру, и Тамару, которые в обычном графике меняли друг друга два через два дня. Ему на глаза случайно попались консервы, срок годности которых давно закончился. Девочки знали и не хотели продавать залежалый товар, но Тимура это совершенно не беспокоило.

— Увольняй. — Вера даже не изменилась в лице. — Хочешь, давай я сегодня уйду.

— Ты что, думаешь, у тебя тут мёдом намазано? — Тамара даже не переодевалась. Хозяин любил такого рода собрания и частенько вызывал работников в выходной день, чтобы прочесть очередной монолог. Сейчас её больше заботили стирка и уборка в доме, а приходится снова слушать этого налившегося собственной значимостью индюка. — Я пойду уже?

— Иды. — Тимур в сердцах махнул рукой. — Потом пагаварым.

— Пагаварым, — Вера очень похоже передразнивала его. К счастью, Тимур уже не слышал её слов.

До зарплаты оставалась неделя, и в такие дни Тимур делался особенно злым. Раздавать деньги он не любил. Знал он и то, что увольняться в последние дни перед получкой никто не будет.

— Всех вас надо дэржать в руках. — Тимур заметил Олега, вышедшего за ним следом.

— Молодец. Хороший начальник. — На серьёзном лице Олега не отразилось ни одной эмоции, но хозяин уловил в его тоне издевательские нотки.

— И тэбя уволить? — Он смотрел с плохо скрываемой злостью.

— Кого-то увольняют, кто-то сам уходит. Вечного ничего нет. Странные вы люди, начальники. — Утро было тёплым и солнечным. Олег вдруг подумал, что этот день словно когда-то уже происходил в его жизни. Вот так же плыли редкие облака, знакомый запах и предчувствие чего-то до боли знакомого заполнило его нутро. Тимур замолчал. — Думаешь, наорал, и все теперь работать будут? Думаешь, уволишь, а к тебе кто-то лучше придёт? Ты ж копейки платишь. Хочешь гениев с вузовской корочкой? Расстрою я тебя. Не пойдут! А ты слово доброе скажи. Ты хоть знаешь, как люди-то твои живут? А, ладно. Рули, как хочешь. Твоё дело.

— Работай иды, защытник.

Олег задумчиво смотрел в спину уходящего Тимура. Можно, конечно, просто послать его и уйти. Трудовой книжки нет, договора нет, но именно это и останавливало — вы-

бирать не из чего, а терять время на поиски нового источника стабильного дохода глупо. В памяти что-то стучало и пыталось оживить тот день, что бередил душу картинами далёкого прошлого. Не покидала мысль, будто рядом что-то очень хорошее, нужно только вспомнить тот миг. Это было! Это всё уже происходило с ним где-то в другой реальности. Олег опустил голову, сбрасывая мимолётное оцепенение. Человек — создание удивительное и пониманию не поддающееся. Как бы высоко мы ни находились, как бы замечательно ни складывалась жизнь, мы всё равно найдём повод для беспокойства и безудержной грусти. И как бы низко мы ни падали, всё равно найдётся миг для неподдельной радости, которая поможет прожить ещё один день без надежд и веры в будущее.

Пошатываясь и улыбаясь, к Олегу приближалась знакомая пара, явно планируя поделиться радостью насущной. В их мире не было долгих связей, никто не верил в дружбу, а если кто-то чем-то и делился, то исключительно с намерением забрать долг при первом же удобном случае. Поэтому Марта с Тарасом, считавшие себя почти семьёй, смотрелись странно. Сложно сказать, насколько может соответствовать понятию семьи жизнь на дне. Марта, не обращая внимания на мольбы горе-спутника, могла внезапно исчезнуть и потом объявиться побитой, оборванной и чуть живой. Тогда Тарас превращался в спасителя заблудшей души, выхаживал свою спутницу и причитал над её безрассудством. Какое-то время они

жили вместе, деля место ночлега и пропивая всё, что удавалось достать. Цели у них просты, а методы незамысловаты: металлолом, макулатура, попрошайничество — на войне все средства хороши. А жизнь для них всегда была войной. Жестокая конкуренция не прощала ошибок. Сейчас они проходили этап очередного примирения. В глаза сразу бросилось, что день у парочки удался: оба были изрядно навеселе, и по тому, как бережно Тарас сжимал в руке пакет, стало понятно, что внутри ещё что-то оставалось.

— Ой, Шапир! — Марта раскрыла объятья навстречу Олегу.

— Давай без церемоний. — Оборванный вид подруги не вызывал приятных эмоций. Мелькнула мысль, что угадать возраст этой парочки не сдюжил бы ни один эксперт. — Я могу порадоваться встрече и без поцелуев.

— Дама сегодня в хорошем настроении. — Губы были комично обведены помадой, и это обстоятельство, видимо, наполняло её уверенностью в собственной неотразимости. Серьёзный взгляд Тараса подтверждал эту мысль. — Не желаешь присоединиться к нашей компании? Мы идём на озеро. — Марта недвусмысленно подмигнула.

— При всём уважении к твоей неземной красоте вынужден отказать. — Олег видел, что она строит ему глазки, и от этого стало немного смешно. Такая любовная интрига была выше его понимания.

— Ты это... Ты, слышь... — Тарас, хоть и слыл в про-

шлом выпускником филологического факультета какого-то университета и порой бросал умные мысли, говорить был не горазд. Однажды Олег даже подумал, что с таким умением строить предложения доучиться у него шансов не было. — Дай хоть сколько. Курить.

— Дать курить... — повторил Олег, словно в задумчивости обдумывая просьбу. — А хочешь, дам совет, чтобы у тебя всегда были деньги на сигареты и выпивку?

— Что? — До Тараса дошло не сразу, а вот Марта насторожилась моментально. — Это... Дай!

— А ты брось! Не кури и не пей. Посмотри на меня и поверь на слово: деньги на сигареты есть всегда, когда ты не куришь.

— Шапир, троллишь? — Марта бросила, словно выстрелила.

— Ого! Ну ты даёшь! — Олег рассмеялся неожиданному экспромту. — Откуда такой жаргон?

— А ты думал! Чай, живём в мире высоких технологий. — Мадам игриво поправила волосы.

— Это... Денег дашь? — Тараса волновала только одна мысль.

— Нет, друзья мои, денег не дам, с вами не пойду. Хорошего вечера и незабываемых впечатлений. Но только помните: к вечеру на озере соберутся все, и какой-нибудь хнырь заберёт вашу недопитую бутылку. — Олег искренне хотел, чтобы всё у них сложилось хорошо, хотя бы сегодня.

— Так что не тяните. Ваше счастье — в ваших руках. Точнее, в пакете.

— Это... Сам знаю. — Тарас подтолкнул Марту, и парочка, пошатываясь, продолжила свой путь.

Олег проводил их взглядом, неуклюжих и спотыкающихся. Он так и не мог понять, стоит ли жалеть людей, опустившихся на дно. У каждого были свои причины упасть, чтобы уже не подниматься. Но было ли оправдание? И ведь каждому выпадал не один и не два шанса изменить свою судьбу, попробовать вырваться из этого круга. Почему же никто даже не попытался? «А они по-своему счастливы. Может быть, даже счастливее меня. У них нет завтра, они просто живут сегодняшним днём, не умеют строить планы и ждать выходных. А вот что буду строить я, если мои мечты останутся просто мечтами?»

Олег подумал, что уже долго стоит на улице, и вернулся в подсобку. На сегодня ещё оставалось много работы.

Глава 9

— Итак, нам нужно составить план. — Роберт присел у кровати сына.

Оля потерянно смотрела в окно. Вчера они приехали на дачу, а сегодня погода испортилась, зарядив нудным мелким дождём, который не прекращался ни на минуту. В полутёмной комнате было сыро и совсем не по-домашнему. Почему-то вспомнился далёкий пионерский лагерь, когда из-за ливня все сидели в огромной комнате, заставленной кроватями. В том нагромождении казённой мебели и унылых лиц казалось, что солнца не будет никогда, и очень хотелось домой.

— Пап, какой план? — Матвей злился, что здесь не было его любимых телевизионных программ. — Что, на рыбалку пойдём? Я буду смотреть на поплавки и орать, что клюёт, а ты со счастливым лицом совать мне под нос пескаря с мизинец? Мне не смешно! Поехали домой! Я не хочу здесь оставаться.

— Папа же старался, — Оля попыталась заступиться за мужа. — Он специально для тебя хотел что-то сделать, чтобы отвлечь, помочь...

— Ничего, пусть говорит. — Роберт мысленно удивился поддержке жены и попытался скрыть нарастающее раздражение. — Что там ещё тебе не нравится? Говори! А хочешь,

я продолжу? — Вопрос был риторическим, и ждать ответа он не собирался. — Тебе не нравится, что ты ещё жив! Тебя раздражаем мы, ходящие и живущие! Тебя бесит всё вокруг, потому что ты решил, будто тебе оно уже ни к чему! И тебе глубоко наплевать, что тебя любят и ради тебя живут, думая лишь о том, как бы не умереть, потому что ты тогда останешься один. Да, мы живём с этой болью, и да, мы скрываем от тебя наши переживания и волнения, чтобы ты мог чувствовать себя хоть немного спокойнее и под защитой. А ты разваливаешься на глазах, превращаясь в желе, отказываешься мыслить и мечтать.

— Роберт?! — Оля испуганно смотрела на мужа. Он впервые говорил с сыном так открыто и жёстко, что, с её точки зрения, немыслимо и преступно.

— А что? Он не кисейная барышня! Ему уже шестнадцать, а мозги как не включились, так даже не желают включаться! — Нужно успокоиться. Меньше всего хотелось показывать собственное бессилие. — Сегодня я уеду в город. Вернусь завтра, может быть, к вечеру. Хватит себя жалеть и заниматься самоедством. Если решите, что здесь плохо, послезавтра уезжаем. Если ничего не хотите менять в себе, оставляем всё как есть и живём так же тупо и коряво, считая это жизнью. Но если есть хоть малейшее желание найти себе новые цели, мы их найдём.

Оставаться с ними на даче в атмосфере тотального уныния и бездействия Роберту не хотелось. Единственное, что

кольнуло, — необходимость отдуваться за свою пламенную речь перед Олей. Впрочем, жена умела находить слова и чувствовала Матвея, как никто другой. Сейчас их связывал только сын.

Она вышла за мужем к машине.

— Грубо ты с ним. Мог бы поаккуратнее. — Оля никогда не провожала Роберта, да и сейчас не чувства вели её, а желание сгладить ситуацию.

— Помнишь, ты мне сказала, что наша жизнь — это только он и ничего больше? Мы уже не семья, Оля. Мы жалкое подобие секты, существующей ради идола. Я даже не хочу вспоминать всё то, что слышал за последние годы. Пора понять, что никто нам ничего не должен, и только мы сами можем что-то изменить в своей судьбе. Мы существуем, как две параллельные прямые, не пересекаясь ни в интересах, ни в стремлениях. Мне кажется, что вам всё нравится, но не требуйте от меня смирения. Убеждать вас не ставить на себе крест я уже устал. Боюсь, скоро мои доводы закончатся.

— Ты хочешь нас бросить? — Во взгляде Оли мелькнула не то тревога, не то укор.

— Бросить? — повторил Роберт и улыбнулся. — Нет. Я не смогу жить, понимая, что без меня вы остались беспомощными и потерянными. Будем влачить это существование в упрёках и недовольстве. Тем более вам оно по душе.

Он сел в машину и уехал, не прощаясь. Для себя Роберт уже всё решил: он должен вернуться к практике. У него есть

почти два месяца, чтобы понять, как лучше расставить приоритеты и на что сделать упор. А значит, терять время нет никакого смысла, и первые шаги нужно делать не с понедельника, как хочется обычно, а прямо сейчас.

Он давно перебрал все возможные варианты. Сейчас его путь лежал к Платону Строеву, директору небольшой адвокатской конторы. Когда-то они учились в одной группе и даже дружили. Буквально полгода назад пришлось встретиться: Платону нужен был кто-то, кто поможет его дальнему родственнику получить зачёт по физкультуре, которую юный неопытный студент благополучно прогулял почти весь семестр. Может показаться, что этот предмет далёк от специальности и совершенно не важен, но это мнение ошибочно. Выйти на сессию, не получив, в общем-то, несложный зачёт, нереально. Но для зачёта нужно посетить все занятия или хотя бы отработать прогулы. В данном случае отрабатывать было поздно. Поезд неспешно катил в сторону академического отпуска, и это был лучший вариант, а перед ясным взором молодого орла всё чётче вырисовывались контуры армейской жизни. Военкомат дежурил у крыльца учебных заведений, подхватывая на лету выпавших и ещё не отряхнувшихся птенцов. Как ни противилась душа Роберта, отказать старому товарищу он не смог. А теперь возник повод нанести ответный визит.

Офис находился в самом центре густонаселённого района, с торца дома. Найти вход оказалось совсем не просто. Судя

по отсутствию указателей и стоянки для автомобилей, финансовая составляющая бизнеса Строева оставляла желать лучшего.

Машину пришлось оставить метрах в ста от офиса. Дверь со скрипом отворилась, из помещения пахнуло сыростью, смешанной с каким-то странным ароматом, заставляющим насторожиться. Платон оторвался от монитора и напряжённо всматривался в силуэт вошедшего. Весь его вид говорил о том, что гостей здесь он принимал нечасто.

— Привет! — Роберт прошёл к столу и протянул руку растерянному товарищу. — Я в курсе, что я не Дед Мороз и радоваться мне не надо, но и ничего плохого я не принёс. — Замешательство хозяина кабинета было слишком очевидно, и хотелось как-то разрядить ситуацию.

— Роберт? Ты какими судьбами? Не ожидал. — На лице Платона мелькнуло подобие улыбки. Только теперь он смог рассмотреть гостя. — Ко мне тут редко кто теперь заходит.

— Ну да, спрятался ты надёжно, случайно не попадёшь. — Роберт обратил внимание на бутылку, которую Строев задвинул под стол. Не дожидаясь приглашения, он сел. — Но что-то я не пойму... У вас же офис был в другом месте? Чего скрываешься? Еле нашёл в интернете.

— Был. — Платон выдохнул не то вчерашним, не то сегодняшним перегаром. — Папа год назад умер, и дела пошли вкривь и вкось.

В своё время семейный бизнес Строевых держался на

твёрдом характере главы семьи. Он следил за сыном, учил его, готовил в преемники. Судя по всему, наука не пошла впрок.

— Понимаешь, — Платон вдруг ожил, даже обрадовавшись приходу старого друга, — заказы пропали, аренда была большая. Пришлось переехать. А вчера и секретарша ушла. Сказала, что нам труба, и капитан, то есть я, — он ткнул в грудь пальцем, — должен покидать корабль последним. Будешь? — Строев достал из-под стола бутылку. — Правда, еды нет, но, помнишь, мы же студентами могли и без закуски.

— Студентом я мог. Сейчас ослаб. — Роберт смотрел вокруг и понимал, что его план требует корректировки. — За рулём я.

— А я налью. — Платон быстро выпил и затянулся, стараясь не смотреть в сторону гостя. — Ну а ты как? Какими судьбами?

— Да думал подыскать подработку. Ты, помню, предлагал в своё время... — Роберт уже видел, что здесь ловить нечего.

— Было-было. Давно было. Сейчас уже и я халтурку бы взял. У тебя там ничего разгрузить не намечается? — Голос Платона звучал вполне серьёзно. — Не поверишь, есть у меня одно дело. Рассказываю суть: двое разводятся и не могут поделить имущество. Имеем съёмную квартиру, чемодан и совместно купленный диван. Вот в нём и скрывается камень преткновения. Они уже и дрались, и резать его пытались. Не могут поделить. Берёшься? А то я как раз думал отказаться.

— Пожалуй, я тоже воздержусь. — Роберт смотрел на Платона и понимал, что дело реальное и тот действительно думал за него браться от полного безденежья. Но у клиентов ситуация с деньгами выглядела ещё хуже, и отказаться пришлось только по этой причине.

— Вот и я о том же. — Строев снова плеснул весьма подозрительного коньяка в чашку для чая с коричневыми стенками, знавшими лишь лёгкие споласкивания. В таком виде чай заваривается лучше — это они знали ещё со студенческих времён.

Пора уходить.

— Ну и что планируешь?

— Не знаю. — Платон начинал покачиваться даже сидя.

— Ладно. Держись как-нибудь и себя приводи в порядок. Эта штука не поможет. — Роберт кивнул на бутылку и ушёл, коротко попрощавшись.

Он задумчиво брёл вдоль дома, рассматривая двор. Длинный корпус выходил другой торцевой стороной на широкий проспект. Оживлённо гудел рынок, мимо проезжали автобусы.

— Решайте, если будете арендовать, говорите. Мне с вами некогда ходить здесь, — крупная женщина отчитывала молодого человека, переминавшегося с ноги на ногу.

— Места мало. Да и дорого.

Внезапно мелькнула шальная мысль.

— Прошу прощения. Вы позволите мне посмотреть поме-

щение? — Роберт вложил в улыбку всё своё очарование. — Вас как зовут? — Он уже протягивал удивлённой женщине визитку. — Для вас я просто Роберт.

— Тамара Францевна... — Та полностью переключилась на обаятельного и солидного мужчину, мгновенно забыв о растерянном парне. — Я начальник ЖЭКа. Конечно, давайте посмотрим.

— Отлично. Мы как раз присматриваем место для филиала юридической консультации.

— Ой, такие люди солидные. Не то что эти... — Она кивнула в сторону уже удалявшегося юноши.

Помещение выглядело куда симпатичнее офиса Строева, хоть и требовало ремонта. Но здесь был хороший вид, удобный подъезд, и вывеска будет смотреть на многолюдную улицу. Роберт быстро договорился со ставшей удивительно милой и доброй Тамарой Францевной.

Платон вздрогнул, когда дверь его офиса распахнулась второй раз за день, окончательно ломая его привычный распорядок. Ещё больше он удивился, когда вихрем ворвавшийся Роберт ошарашил неожиданной новостью:

— Ты переезжаешь. Завтра быть с утра трезвым как стекло. Не дай тебе Бог не проспаться. Прибью! — Он вырвал уже почти пустую бутылку. — Вставай, я отвезу тебя домой. Работать сегодня ты всё равно не сможешь.

Он сам закрыл дверь и поволок ничего не понимающего товарища к машине.

— Ждёшь меня дома. Я в полдевятого заеду. В девять начинает работу наша мамзель. Ты, в отутюженной рубашке и пахнущий дорогим парфюмом, входишь к ней и подписываешь новый договор, — твердил Роберт изумлённому и растерянному Платону.

— Если ты о Францевне, то я ей должен за этот офис, — Строев пытался соображать остатками сознания.

— Сколько?

— За два месяца.

Роберт прикинул арендную ставку и свои накопления. Действовать нужно быстро. Конечно, деньги могут не вернуться. Но если уж решаться, то сейчас самый подходящий вариант.

— Предлагаю следующее. Всё для офиса у тебя имеется. У меня есть немного денег — их хватит, чтобы оплатить аренду, купить вывеску и дать рекламу. Ещё нужно сделать ремонт. Попробуем как-то всё совместить. Но с сегодняшнего дня я в доле. Согласен?

— А сколько в доле?

— Затраты делим пятьдесят на пятьдесят, а заказы каждый забирает себе минус налоги. Идёт?

— Ты сейчас в чём меня надул? — Платон отчаянно ворочал трезвеющими мозгами.

— Ещё не знаю. Но тебе надо менять место в любом случае. А остальное мы решим и завтра. Сегодня ты не в духе.

— Это да.

Глава 10

Тимур задерживался, и Олег в ожидании устроился на скамеечке неподалёку от магазина. Утреннее солнышко пригрело и разморило. Унылый двор с вечно переполненными контейнерами для отходов и разбросанными повсюду пакетами сейчас показался уютным и даже родным. Их типично советский рынок раскинулся за современным супермаркетом, и одному Богу известно, как он получил право на существование и работу. Разбросанные безо всякой системы, подпирающие друг друга магазинчики отдавали таинственностью и словно хранили славные традиции торговли чем-то необыкновенным. Увы, ничего удивительного здесь не продавали. Зато всегда можно было найти палёную водку, траву и ещё много чего не самого законного, но востребованного. Сложившийся за долгие годы стереотипный образ не оставлял рынок без покупателей, которые торговались, ругались и спорили, но приходили снова и снова. Краем глаза Олег посматривал в сторону группы молодых парней, по-хозяйски развалившихся у дальнего края рынка. Те вели себя нарочито вызывающе, привлекая внимание и вынуждая редких посетителей обходить их стороной. Даже привыкшие ко всему продавщицы, имеющие закалённый характер, внушительные габариты и отточенные язычки, старались скорее скрыться за дверями своих лавок. Утро отвязных малолеток начина-

лось в лучших традициях местного контингента: с изрядной дозы спиртного и ещё бог знает чего, сносящего мозги и заглушающего инстинкт самосохранения.

Один из них неуверенной походкой направился к Олегу. Молодой, здоровый, он был крупнее раза в два и подчёркивал свою значимость широко разведёнными руками, почти не двигающимися при ходьбе.

— Папаша, курить есть? — Малец подошёл почти вплотную и сплюнул, замерев над сидящим Олегом.

— Не курю. — Олег знал много вариантов ответа, но хотелось закончить этот разговор мирно и поскорее остаться одному.

— Что так? Здоровье бережёшь? — Парень ухмыльнулся, поглядывая на друзей, что-то обсуждавших и наблюдавших за сценой. — Тогда подкинь парням на сугрев.

— Сугрев? Да не холодно сегодня. — Олег уже отметил, что щегол не знаком с тем миром, где сам он провёл столько времени. Наслушался рассказов авторитетов постарше, которые любят вспоминать о романтике блатных будней, суровой и справедливой школе жизни на зоне. Но там вся эта мишура выветривалась быстро. Олег помнил школьных товарищей, наводивших страх одним своим видом. Перед ними заискивали, их боялись, они были в авторитете. Видел он их и потом, спустя годы, — опустившихся, сшибающих мелочь под магазином и унизительно просящих у тех, кого раньше не считали за людей. Жизнь — переменчивая штука. Есть

ошибки, которые навсегда меняют тебя и уже не дают возможности ничего исправить. И думать, будто тюрьма сделает тебя неотразимым мачо, не стоит — это слишком наивно и самонадеянно. Но этот мальчишка понятия не имел, чего у Олега набралось за плечами, а делиться опытом желания не было никакого.

— Ты, папаша, не дерзи. — Лицо незваного гостя стало суровым и, видимо, должно было напугать. — Доставай, что там у тебя есть.

Олег обвёл взглядом двор, убедившись, что никому до них дела нет. Он неспешно встал, словно собираясь порыться в карманах, но вдруг выбросил руку, сильно сдавил шею борова двумя пальцами и резко потянул вниз. Тот, замычав, опустился на колени, даже не пытаясь оказать сопротивление.

— Фраер, ты рамсы попутал. Слушай сюда: ты сейчас молча встаёшь и катишь к друзьям. Я двадцать лет зону топтал, мне одного жмурика прибавить ничего не станет. И меня ты забудешь. А если у вас есть предъявы, то ты к Мамаю подойди и скажи, что у тебя с Шапиром непонятки. — Олег видел, как приятели неудачника заволновались, привстали, не понимая, что происходит. — Всё понял?

— Ы-ы-ы... — Ничего членораздельного у верзилы не получалось.

Олег отпустил утратившего былой бравый вид парня и спокойно уселся на скамейку, словно ничего не случилось.

Казалось, он потерял всякий интерес к происходящему, но из-под прикрытых век острый взгляд провожал каждое движение приходящего в себя верзилы. Тот встал и, мелко семеня, направился обратно. Пару минут Олег смотрел, как он о чём-то напряжённо переговаривается с друзьями, поглядывая в его сторону. Слава Мамая слишком красноречива, чтобы рисковать и связываться с таким странным мужичком, который не боится и никуда не уходит, явно уверенный в себе и своих силах. Уроки, вбитые зоной, очень хотелось забыть, а лучше и не знать никогда. Но именно там он усвоил, что бить надо первым, а сявки остаются сявками даже в толпе.

Полчаса спустя инцидент уже забылся. Работа затянула, и Олег лишь к вечеру, и то уже со смехом, вспомнил утреннюю стычку, впрыснувшую толику адреналина в его и так насыщенную жизнь.

Сегодня был день зарплаты, и у Тимура, как всегда, не было настроения. Зашитое в подсознании нежелание расставаться с деньгами вызывало в нём боль чуть ли не физическую. Порой складывалось ощущение, что даже купюры он выбирал похуже, самые мятые и надорванные. Со смехом и нескрываемым злорадством они меняли их на новые здесь же, в магазине, возвращая потрёпанные банкноты обратно в кассу. Тимур приходил в бешенство, на что Вера невозмутимо заявляла: «Не хотите — не буду отпускать. Так и скажу: в нашем магазине расчёт только по карточкам». Все знали о

полном недоверии Тимура к современным способам оплаты и любви сугубо к живой наличности, которую можно ощутить в руках. Вот и сейчас он протянул Олегу пачку смятых купюр, демонстративно отвернувшись.

— Не хватает. — Олег давно привык к этому и мог не пересчитывать. Вопрос лишь в том, сколько сегодня решил зажать Тимур.

— Правильна всо. Лук пропал почты вэсь. Пачыму нэ сматрэл?

— Ты что покупал, то и сгнило. И не гони фуфло! — Олег перешёл на феню непроизвольно. Он старался себя контролировать, но сейчас было не до того. — Думал барыгу развести, а он тебя кинул. Бабки гони все.

— Вай! Я вас кармлу, паю, я вас здэсь всэх сматру, а вы... — Что «а вы», Тимур не договорил. Он и сам знал, что хотел купить полмашины дешёвого лука, а привезли ему сгнивший, где перебирать было нечего. Он до последнего пытался продать хоть что-то или хотя бы втихаря высчитать стоимость неликвида с сотрудников. Но здесь все уже были научены горьким опытом.

— Ещё скажи «кормилец». Не надо здесь слезу вышибать, несчастный ты наш. И вот что, — Олег уже успокоился, но решил убить двух зайцев разом, — со следующего месяца моя зарплата вырастает. Я хочу получать как продавщицы.

— Алэг, зачэм гаварыш так? Нэт дэнэг. — Тимур развёл руки в стороны, показывая, что у него нет ничего.

— Да мне всё равно, есть или нет. У Резо есть, и он меня зовёт. Его грузчик опять забухал. Или ты платишь, или он. Мне ведь без разницы, где я буду в подсобке сидеть.

— Рэзо кинэт. — Тимур не любил конкурентов, особенно если они из другого клана. — У тыбя нэт дакумэнтов, нычего нэт. Я тыбя на чэснам словэ дэржу. Гдэ ты найдош такого, как я?

— Ой, не надо меня лечить. Чэсны ты наш, — Олег не удержался и спародировал Тимура. — Платишь или нет? Кстати, ты от жизни отстал. Здесь ни у кого документов нет, а работать кому-то надо. За копейки, как в рабстве, больше никто не хочет. Капитализм на дворе... Правда, странный какой-то, — последние слова он произнёс тише, словно сам не понимал, зачем их добавил.

— Падумат нада. — Тимур явно тянул время.

— Я засёк. — Олег поднял рукав рабочей куртки. — Тридцать секунд. Время пошло.

— Алэг, зачэм?

— Ты вообще не шаришь? — Терпение заканчивалось. — Мне денег больше дают. Я уйти собираюсь. Или ты вообще русский не понимаешь?

— Зачэм спэшиш? Завтра пагаварым. — Тимур не сдавался до последнего.

— Осталось десять секунд. — Олег решил не отвечать и не отрывался от бегущей стрелки. — Время! — Он прошёл в подсобку и начал собирать свои вещи. Собственно, там были

только чашка, чай да сахар.

— Нэт дэнэг. Давай выхадной дам. — Тимур грустно выдохнул, но Олег не обернулся, продолжая аккуратно складывать пожитки в пакет. — Вай! Грабитэль! Буду платить. — Он махнул рукой и ушёл, не оборачиваясь.

Олег с усмешкой выставил всё обратно. Пусть у него нет трудовой, пусть нет жилья, но его уже знают, и ни для кого не секрет, что ему можно доверять и он всегда на работе. Это несложно, но ценилось необыкновенно. И Тимур тоже понимал, что другого такого не найдёт. Настроение приподнялось, день казался прожитым не зря. Вот только нужно ещё доделать то, что не успел вчера вечером, — тогда наступит полное удовлетворение. И Тимур не кинет, никуда не денется. А значит, со следующего месяца будет чуть больше денег. Они сейчас очень кстати: впереди ждут серьёзные траты.

Глава 11

Лицо Платона выражало всю тяжесть от неумеренного в последнее время потребления алкоголя, но выглядел он с утра более-менее прилично. Роберт принюхался и с удовлетворением отметил, что товарищ пусть и без настроения, но вполне вменяем.

— Ну что? Ты совсем неплох. — Он смотрел, как Платон пристёгивает ремень безопасности. — Нас ждут великие дела!

— Сразу бросать пить нельзя. Пару часов я продержусь, но потом, как хочешь, с тебя пиво.

— Интересно, а чего с меня? — Роберт понимал, что денег у Строева нет, но и у него самого печатного станка не наблюдалось.

— Потому что мы теперь компаньоны.

— Ты мне, компаньон, вот что скажи: у тебя долгов много? — Вчера вечером, вдруг подумав об этом, Роберт долго не мог заснуть.

— Аренда и Маше зарплата. Обещает подать на меня в суд.

— Маша — это кто?

— Маша — это мой бухгалтер, секретарь и...

— Сейчас догадаюсь, — Роберт уже всё понял, — твоя любовница.

— Любовница у женатых. В моём случае правильнее сказать «девушка», — Платон осёкся и поправил себя: — Была.

— Нехорошо. Кинуть такого ценного работника бессовестно и глупо. Рабочие романы заканчиваются или свадьбой, или скандалом. — Роберт прикидывал варианты. — Чувства-то остались?

— Какие нахрен чувства?! Она видеть меня не хочет. Через подругу звонит, чтобы деньги требовать. Я отдам. Только вот пока нечем.

— Что думаешь делать?

— Да я из-за неё и пью. — Строев вдруг как-то размяк. — Я её люблю, а она вот... — Партнёр махнул рукой.

— Знаешь, способ борьбы с горем ты выбрал не самый удачный. Но рассчитаться нужно обязательно.

— Мораль читать будешь? — Платон начинал нервничать.

— Делать мне больше нечего. Пошли, мы приехали.

Под кабинетом начальницы ЖЭКа толпился народ, но вид двух строгих, подчёркнуто вежливых и уверенных мужчин заставил очередь расступиться.

— Здравствуйте, Тамара Францевна. — Роберт решил не давать слова Платону, боясь, что тот испортит ситуацию. — Прежде чем мы перейдём к бумагам, я сразу извинюсь за моего помощника. — Он видел и округлившиеся глаза товарища, и растерянность ответственного сотрудника при виде должника. Но открыть рот женщина не успела. — Здесь ма-

ленький презент. Мне буквально вчера привезли отличного угря и баночку шикарной икры. — В последнем он лукавил, но проверить всё равно никто не смог бы, а мадам таяла прямо на глазах. Быстро, не давая опомниться, Роберт обозначил свои планы. — Оплаты мы проведём буквально через час, только соберу все счета. И даже предоплату я гарантирую сегодня же. Надеюсь, у нас ничего не изменилось?

— Ой! Вы меня прямо смутили. — Тамара Францевна спрятала пакет в стол и набрала номер на большом старомодном телефоне. — Нина, подготовь договор на аренду офиса продажников по Чехова, семнадцать. Сейчас тебе принесут данные. — Дальше она обратилась уже к Роберту: — Сейчас всё сделаем.

Минут пятнадцать они болтали с госпожой начальницей о погоде, новых налогах, вспомнили рост цен да падение уровня жизни и, казалось, стали уже лучшими друзьями. За старой тонкой дверью слышался нарастающий гул недовольства томившихся в ожидании людей, и Роберта начинала колоть совесть. Наконец бумаги были подписаны, а они получили ключи от помещения. Весь вопрос занял не больше получаса — начало дня можно считать обнадёживающим.

— У меня голяк. — Платон смотрел на счета, которые Роберт держал в руках.

— Картотеки нет?

— Слава Богу, пока нет.

— Уже хорошая новость. Сейчас заедем в банк. Ты вне-

сёшь на счёт деньги, после чего мы проведём платежи. Так первая часть вопроса будет решена. — Роберт знал, что это лишь начало, а самое главное и затратное ждёт впереди, но думать об этом было страшно. Где-то проскочила предательская мысль, что всё ведь у него в жизни хорошо, налажено, и эта авантюра совершенно ни к чему.

— Ты серьёзно? — Платон взглянул с недоверием. — Правда думаешь, что можно что-то выкрутить?

— Поехали. Потом будем думать, как вернуть деньги.

Через час они вошли в свой новый офис, который пока напоминал нечто среднее между учебным классом и пунктом приёма стеклотары. Нагромождение шкафов и столов было разбавлено огромным количеством пустых бутылок. Видимо, процесс прощания и закрытия здесь проходил долго и жарко. Искать хозяина никому не нужного хлама смысла не было, и по молчаливому согласию Тамары Францевны Роберт понял, что может распоряжаться вещами по своему усмотрению. Усмотрение, правда, пока не оформилось.

— И что мы сейчас будем делать? — Платон с интересом бродил по кабинетам, мысленно восстанавливая хронологию прошедшего здесь банкета. — Да, хорошо погуляли... Купишь пивка?

— Давай вот что... — Роберт достал деньги. Наличность таяла на глазах, и скоро ему снова придётся приложиться к домашним накоплениям, чего совсем не хотелось делать. Оля будет явно недовольна, но других вариантов не намеча-

лось. Он протянул Платону двадцать долларов. — Поменяешь, купишь себе пива и возвращайся. А я пока попробую навести здесь порядок.

Запирать дверь смысла не имело. Напротив, пришлось бы даже кстати, если бы отсюда что-нибудь украли. В глаза бросилась группа скучающих и поглядывающих по сторонам мужчин, и Роберт направился к ним.

— Добрый день! — Назвать их господами он не решился, отметив про себя, что нужно грамотно подбирать слова — уж очень пристально и с опаской поглядывали на него эти граждане. — Есть возможность заработать, но расчёт, так сказать, по бартеру. Вы выносите всё, что есть в трёх кабинетах, а взамен забираете себе металлолом и пустую тару.

— Посмотреть бы. — Тощий оборванный тип вальяжно поднял голову и расправил плечи, словно давая понять, что дел у них завались и глянуть одним глазком на предстоящий фронт работ он сможет только в виде исключения.

— Пошли. — Роберт кивнул в сторону нового офиса.

Беглого осмотра хватило, чтобы понять: сильно разжиться здесь не получится.

— Так, вот это мы заберём. — Доходяга ткнул пальцем в столы и стулья. — Остальное сам таскай.

— Все свободны. Торг окончен. — Это была капля в море, и Роберт потерял интерес, осознавая, что придётся платить ещё и за вывоз мусора.

— Жердь, погоди. — Вперёд выступил мужик постарше.

— Вот что, — он почесал голову, — доплатить надо. Железа мало, бутылки эти не примут. И пол-литра вперёд. А то мы того, не могем.

Роберт протянул на бутылку водки, понимая, что клиент может уже не вернуться.

— И ещё четыре раза по столько, когда закончите.

— Ну, тогда мы счас, шустренько, и начнём. — Тот, которого назвали Жердь, схватил деньги. — Пошли быстро. — Он подтолкнул друзей к двери.

Когда Платон вернулся, работа уже кипела. Пошатываясь, матерясь и ругаясь, дружная троица планомерно выгребала мусор.

— Стой! Убью, падла! — Жердь заметил, как кто-то попытался стянуть стул, который они оставили на улице. Там было железо, которое ещё предстояло сдавать. Незадачливый воришка бросил находку и как ни в чём не бывало потрусил дальше.

— Это что? — Строев удивлённо рассматривал снующих, сильно поддатых, но сосредоточенных работников.

— У тебя есть другие предложения?

— Нет. — Платон явно ожил.

— Теперь нужно рассчитаться с твоим бухгалтером. Как бы не моё дело, но разговоры о том, будто наша фирма кидает, мне не нужны. Да и ты, — Роберт посмотрел на Платона, — завязывай. Пора начинать новую жизнь. Сколько ты ей должен?

— Я не поеду. — Партнёр напрягся.

— Почему? — Роберт не сразу понял, что Платон не ответил на главный вопрос.

— Боюсь. Я не могу с ней рядом находиться.

— Жаль. Кстати, бухгалтер нам нужен. У тебя есть идеи?

— Нет у меня идей. — Платон махнул рукой.

— Отлично! А у меня есть. — Вся ситуация начинала Роберту надоедать, напоминая детский сад. — Ты контролируешь процесс уборки. Вот. — Он протянул деньги. — Это ты отдашь нашим помощникам. Где у тебя ведомость по расчётам? Там нужна будет подпись, и давай мне адрес твоей бывшей.

Они прошли в теперь уже почти бывший офис. Роберт собрал всё необходимое и уже на пороге обернулся, словно вспомнив нечто важное.

— Платон, дружище, у нас с тобой разные проблемы, но нам обоим нужны перемены. Перспективы жить по-старому столь тошнотворны, что так продолжать просто нельзя. Или мы с тобой перевернём нашу жизнь, или останемся плыть по течению, как сам знаешь что.

— Ты сегодня приедешь? — Платон сидел мрачный и какой-то опустошённый.

— Нет. Встретимся здесь завтра в одиннадцать. Нужно будет переносить мебель. Если у тебя возникнут идеи, где найти помощников, звони. Только чует моё сердце, таскать всё это нам с тобой.

— Нерадужно!

— Зато дёшево. Ты своё пропил, а я скоро потрачу. Так что вариантов немного.

Глава 12

Сегодня у крестницы был день рождения, и после работы их всей семьёй пригласили в гости. Даша утешала себя мыслью, что завтра у неё вторая смена и она сможет хоть немного поспать — ведь надеяться, что Рита, кума и лучшая подруга с детства, отпустит её раньше полуночи, не приходилось. Они жили не очень далеко друг от друга, но виделись в последнее время не так часто, как раньше, хотя и созванивались почти каждый день, обещая непременно собраться на выходные. Сейчас сошлись и повод, и желание наконец посидеть и просто поболтать.

Гостей, кроме них, не было. Они уже давно предпочитали этот маленький коллектив, где все в конце концов разбредались по интересам. Лена с Лизой, дочкой Риты, были одногодками, им всегда было чем заняться, и они убежали почти сразу, чуть притронувшись к еде. За именинницу пришлось пить без неё самой, но это никого не смущало. Как сказал Дима (говорить тосты он умел, этого не отнять), до определённого возраста сам именинник представляет не такой большой интерес, как его мама. На что Витя, муж Риты, заметил, что его «роль» в празднике недооценивать нельзя, это даже не по-товарищески. Постепенно мужчины перешли на футбол. В преддверии чемпионата мира все ждали, что сможет показать команда, которая «хоть и проигрывала всем

подряд, но непрерывно улучшала игру, внушая оптимизм». Кому она внушала оптимизм и что можно обсуждать там, где вечные надежды сменяются сетованиями на невезучесть, останется загадкой навсегда, но эта тема увлекла мужей, заставив забыть и жён, и сам повод вечера.

Рита, взяв бутылку вина и собрав что-то из еды, кивнула Даше:

— Пошли. Здесь о нас забыли, а нам и не надо. Хотя лет десять назад я бы хлопнула дверью.

— Лет десять назад... — Даша встала за подругой, оценивая, сколько водки осталось, и понимая, что дойти до кондиции мужчинам хватит. — Ты им не многовато оставила?

— Много, конечно. Но ведь праздник.

— Дима, — Даша решила всё же призвать мужа к совести, — тебе на работу завтра.

— Я помню.

Рита жила в частном доме, и они вышли на террасу.

— Да пусть сидят. Я тебя уже сто лет не видела. — Она налила два полных бокала. — За нас, подруга.

— За нас!

Рита была всегда бойкой и энергичной. В школе — староста класса, участница самодеятельности, активистка и красавица. Парни не давали ей прохода, но побаивались её острого языка и авторитета. Дашу Рита словно опекала, везде таскала за собой и учила преодолевать застенчивость. Характерами в них не было ничего общего, но странным образом они

дополняли друг друга. Рита не раз признавалась, что только благодаря Даше научилась думать, прежде чем бросаться с головой в омут. Даша же благодаря подруге укротила страх быть на виду и приобрела уверенность в себе.

Сейчас Рита работала в управлении образования и не скрывала, что место совершенно её разочаровало. Естественно, мужья лучших подруг не имели шансов не познакомиться, а когда Дима остался без работы, именно Витя пристроил его на завод, в свою смену, где они прослыли неразлучной парочкой.

— Вот ты мне скажи, — Рита взяла дольку шоколада, — о чём могут судачить мужики, которые днями ходят один за другим на работе, ездят вместе на рыбалку, да и сейчас опять не могут оторваться друг от друга? А ещё говорят, что бабы болтают без умолку.

— Ну что ты хочешь: летом — футбол, зимой — хоккей, рыбалка — круглый год. У них всегда тема есть. В жизни оно не как в книгах.

— Я тоже подумала... — Рита снова налила. — Вон Маргарита у Булгакова вытащила своего из дурки, книгу спасла, с дьяволом договорилась. Всё на нас. Эти могут только написать и упасть, как подкошенные. Никто их не любит, никто не понимает. Давай. — Она подняла бокал. — За нас, подруга! Самых сильных, умных и красивых!

Устоять против такого тоста не было ни сил, ни желания. Пить с Риткой всегда весело и интересно. Она гуляла от ду-

ши, с караоке, танцами и без оглядки на время и соседей. Частный дом имеет свои преимущества. Правда, он у них небольшой и постоянно требует ремонта, зато шашлык всегда рядом, а летом можно хорошо посидеть, как сейчас, на террасе.

— Я всегда говорила: мужики — слабаки. У них как только проблемы — сразу запой. И всё, приплыли — горе скосило под самое не могу. А мы что? Наплакались, а утром вставай и вперёд: детей корми, в садик-школу отправляй, на работу несись. Прямо некуда деваться. Слушай... — Рита задумалась. — А давай мы с тобой запьём. Пусть они побегают.

— Только давай в отпуске. И на рыбалку дня на два укатим!

— Точно. Там же одни мужики.

Глаза уже блестели, настроение становилось всё лучше.

— Споём?! — Глаза Риты уже горели и требовали продолжения банкета.

— Они же футбол смотрят. — Даша понимала, что такой жалкий довод Риту остановить не способен.

— Смотрели! А сейчас у них будет концерт!

— Может, не будем? — Даша сомневалась. — Как-то неловко.

— Знаю одно средство.

Рита вышла и через минуту вернулась, неся в руках два красивых стакана, из содержимого которых безошибочно узнавался только лёд.

— Помогает преодолеть неуверенность. — Она протянула стакан Даше.

— Коньяк с колой? — Та вздохнула, зная предпочтения подруги. — Завтра же на работу.

— Я не пойду, а тебе к обеду. — Последние аргументы сражены наповал. — Вон сидят двое, — она кивнула в сторону мужей, — и совершенно не переживают. А ты что-то ещё думаешь.

Женщины не спеша потягивали коктейль, и минут через пятнадцать Рита встала.

— Мне можно уже не наливать: я такая, как вам надо. Пошли. — Она уверенно, лишь раз вдруг слегка покачнувшись, вошла в дом.

Даше ничего не оставалось, как присоединиться к подруге. Да и настроение уже было очень хорошее.

Навзничь упавшие, насмерть пропавшие.
Нет стыда у любви, запретов не может быть!
Парим друг над другом мы, кружим самолётами —
Этим эфиром только и можно дышать,
В этих движениях только и стоит жить!

Вот что всегда совпадало у Даши с Ритой, так это музыкальные предпочтения, и Диана Арбенина прочно вошла в их небогатый репертуар. Песню «Разбуди меня» они обожали, пели её вместе не один раз, потому получалось слаженно

и очень похоже на оригинал. Мужья, уже порядком осоловевшие, заслушались. Прибежали даже дочки, забросив свои игры.

— Девочки, танцуем все. — Рита махнула детям. — Лена, готовимся, через неделю гуляем твой день рождения.

Так вышло случайно, но Лена родилась всего на неделю позже Лизы, и два праздника отмечались один за другим.

Время от времени они смачивали горло коктейлем, который Рита обновляла, и в какой-то момент ощутили себя настоящими певицами. Голоса звучали всё увереннее, громче, и они подтанцовывали, наслаждаясь просто тем, что могут расслабиться и не думать, как выглядят со стороны. Чем старше мы становимся, тем чаще кажется, что теперь мы обязаны быть серьёзными, вести себя солидно — почему-то именно такое поведение считается образцовым для человека, которого в обществе называют «приличным». Невольно хочется хоть иногда забыть о приторной «правильности», о выдуманных кем-то условностях. Даша просто обожала Риту за то, что рядом с ней можно быть если уж и не совсем ребёнком, то, по крайней мере, вновь почувствовать себя юной студенткой, которая имеет полное право на глупости. И в такие минуты остановить их уже никто был не в силах.

Я ж сама дверь закрыла,
Я собою довольна —
Отчего же так плохо,

Отчего же так больно?..

Одиночество — сволочь,
Одиночество — скука,
Я не чувствую сердца,
Я не чувствую руку.
Я сама так решила:
Тишина мне — подруга.
Лучше б я согрешила...
Одиночество — мука...

Эту песню Славы они всегда исполняли в заключительной части выступления. Сразу после этого коронного номера гостям предстояло расходиться по домам, а потому Даше и Лене приходилось исполнять её на бис и на посошок, о чём на следующее утро оставалось только пожалеть.

Как и ожидалось, утро встретило головной болью и зудом в горле. Даша посмотрела на часы и с удовольствием отметила, что ещё полдевятого, можно полежать. Как ушёл на работу Дима, она не слышала, а Лена старалась не шуметь, тихонько поглядывая на маму. Увидев, что та открыла глаза, дочь тихонько подошла, положила руку на голову и спросила:

— Мамочка, хочешь чего-нибудь?

— Солнышко, принеси водички. — Вопреки головокружению и тошноте Даша улыбнулась, отметив про себя, что

голоса нет абсолютно.

— Вы вчера с тётей Ритой так пели здорово. — Дочка хозяйничала по-взрослому, неся стакан воды и две таблетки. — Мы с Лизой тоже так будем.

— Не надо. Это не то, с чего нужно брать пример. Я полежу ещё. Если усну, разбуди в десять.

Ей и правда удалось задремать, и, как ни странно, проснулась она уже почти в форме. Лишь голос был по-прежнему словно чужой, да голова слегка кружилась. Но после душа и завтрака прошло и это.

Глава 13

Нужно было всё же ехать к своим. Мысль оставить их в одиночестве мелькнула, но напоминала какую-то детскую обиду. Однако сначала Роберт решил заскочить к Маше. Как ни крути, первостепенные вопросы сами себя не решат.

Через двадцать минут он остановился у подъезда, вдруг подумав, что предварительно лучше было созвониться, ведь её вполне может не оказаться дома. Впрочем, ему всё равно по пути, так что даже в случае неудачи особо горевать не о чем.

— Здравствуйте, Маша. Меня зовут Роберт. Волей случая я работаю в адвокатской конторе, откуда вы уволились. Нужно как минимум рассчитать вас, и к тому же я бы очень хотел переговорить. Я у вашего подъезда. Вы сможете выйти?

— Неужели Платон нашёл деньги? На него не похоже. Я сейчас спущусь.

Ждать пришлось недолго. Вскоре Роберт увидел, как из подъезда вышла девушка и оглянулась, высматривая гостя. На вид ей было не больше тридцати пяти. Стало даже интересно: она уже куда-то собиралась или успела за эти несколько минут подкраситься и переодеться в строгий костюм, чтобы выглядеть как человек, пришедший на собеседование? Роберт вышел из машины и двинулся ей навстречу.

— Здесь за два месяца. — Он протянул конверт. — Мо-

жет, проще присесть в машину? Вы сможете спокойно пересчитать, плюс нужно расписаться в ведомости.

— Я вам верю. Вы привезли деньги — сам факт, и я очень сомневаюсь, что стали бы здесь как-то обманывать. — Маша спрятала конверт, даже не открыв. — Где расписаться?

Они шагнули к машине, откуда Роберт достал портфель.

— А как вы смотрите на предложение вернуться? — Он смотрел, как Маша ставит подпись на бланке. Похоже, предложение оказалось для девушки неожиданным настолько, что она даже чуть заметно вздрогнула.

— Вы всё знаете? — Маша явно намекала на их с Платоном отношения.

— Утверждать, будто я знаю всё, слишком самонадеянно. Но если вы об отношениях с Платоном, то да, я в курсе. Только не понимаю, почему это должно вас беспокоить. Вы знаете бухгалтерию, клиентуру, вас не нужно вводить в курс дела. Мне лично ваша кандидатура нравится.

— А ему?

— Нам прежде всего нужно думать о том, как мы собираемся работать и развиваться.

— Он не даст мне работать. — Маша заметно нервничала. С работой она ещё не определилась и не понимала, как поступить. Её явно мучил страх опять оказаться в той же ситуации. — Он пьёт. Потом вечные обиды, разборки. Ситуация сложная, и мне не хочется переживать её ещё раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.